

ELSEVIER

Available online at www.sciencedirect.com

ScienceDirect

Russian Literature 83–84 (2016) 259–283

Russian
Literature

www.elsevier.com/locate/ruslit

А. Я. БРЮСОВ И В. Ф. ХОДАСЕВИЧ. ПЕРЕПИСКА
(A.IA. BRIUSOV AND V.F. KHODASEVICH. CORRESPONDENCE)

А. Л. СОБОЛЕВ
(A.L. SOBOLEV)

Abstract

The article serves as an introduction to the correspondence of Aleksandr Briusov (Valerii Briusov's younger brother) and Vladislav Khodasevich, published in the present volume. It provides a detailed outline of the history of their relations, which were complicated by their enduring rivalry, both in poetry and in personal life.

Keywords: *V.F. Khodasevich; A.Ia. Briusov; A.I. Chulkova*

В корпусе сохранившейся эпистолярной Ходасевича переписка с Александром Яковлевичем Брюсовым¹ (1885-1966) не занимает значительного места: подвергаясь значительным утратам и/или изъятиям, почти не выходящая тематически за пределы сухой фактографии, хронологически ограниченная семью годами – она лишь в малой мере может служить подспорьем для реконструкции четвертьвековой истории их отношений. В свою очередь, сам их диалог исключительно принципиален в смысле взаимных жизнестроительных влияний: от явного параллелизма раннего периода биографий (одинаково чувствительного для обоих), до резкого разрыва начала 1910-х годов, увенчанного невольным примирением десятилетие спустя.

Знакомство их, по всей вероятности, состоялось в 1896 году, когда оба они поступили в 3-ю московскую гимназию: весной, когда держали экзамены или осенью, когда приступали к занятиям. Фрагментарные

воспоминания Ходасевича о гимназических годах рассеяны по мемуарным очеркам об однокашниках (прежде всего – В. В. Гофмане и Д. А. Черепанове);² Брюсов полвека спустя начал набрасывать автобиографическую повесть, где несколько абзацев уделил доуниверситетским годам:

АП шел пятнадцатый год. Его старший брат уже кончил университет и служил секретарем в “Русском архиве” Петра Ивановича Бартенева, старшая сестра Надежда кончала консерваторию, другая старшая сестра Евгения тоже училась в консерватории. Младшая сестра Лидия училась в частной гимназии Ржевской.

Лето пролетело быстро, как будто его и не бывало. Наступила осень, а с ней и занятия в гимназии. И так без перемен шел год за годом. В старших классах занятия были серьезнее. Читали Овидия, Тита Ливия, Цицерона, Горация, а из греческих авторов Ксенофонта и Софокла. Появились занятия физикой и химией, раз в неделю был урок космографии. По закону Божию проходили богослужение и вероучение. Гимнастика заменена была военным строевым учением с палками вместо винтовок. Зато отменили географию и после 4 класса ее не преподавали и она даже не значилась среди предметов, по которым сдавали экзамен зрелости.

И он наступил. Но до него дотянули только немногие из поступивших в первый класс; из числа более сотни поступивших до 8 класса дотянули только 29 человек. Остальные отсеялись, оставаясь в предшествующих классах на второй год или совсем прекратили учение после 6 класса, дававшего различные права. Некоторые переехали в другие города.

В последнем 8 классе уроков уже не задавали. Повторяли пройденное за 7 лет. Поэтому экзамен зрелости не вызывал тревоги и не требовал большой подготовки к нему. АП был среди получивших золотую медаль.³

В мемуарах А. И. Ходасевич, допущенной к устным отзывам обоих, среди прочего говорится:

Гимназические годы В. Ф. мне мало известны. Знаю, что он учился в Московской III классической гимназии, где проходили греческий и латинский языки. В его классе учился брат Валерия Брюсова – Александр Брюсов. Очевидно, влияние старшего брата сказалось на младшем брате, и он стал писать стихи. Это объединяло В. Ф. с Александром Брюсовым, и они еще многие годы были в приятельских отношениях.⁴

Вероятно, какие-то анекдоты (в старинном смысле) из совместного гимназического быта приятелей циркулировали в литературной среде еще в

1910-х годах: за передачу одного из них Цветаева благодарила будущего мужа: “Спасибо, Лоц, за историю с Брюсовым и Ходасевичем! Я безумно хохотала и наслаждалась [...]”⁵

В конспекте к автобиографии Ходасевича 1897 год помечен: “Останкино. Фотография. Балы. Малицкий. Брюсовы”⁶ с этого момента он, на правах одноклассника младшего брата, делается завсегдаем дома на Цветном бульваре. В мемуарном очерке Ходасевича о Валерии Брюсове, где акценты ретроспекции расставлены, повинуюсь внелитературной задаче, Александр Яковлевич упоминается единожды (“Я учился в гимназии с его младшим братом”).⁷ В написанных много позже воспоминаниях Брюсова-младшего посетители обоих братьев противопоставляются – и Ходасевич причисляется к кругу гостей мемуариста:

[...] начиная с 1903 года, Валерий стал приглашать меня на свои журфиксы, на которые приходили его литературные друзья. На этих встречах я познакомился с К. Д. Бальмонтом, Андреем Белым, Д. Мережковским и Зинаидой Гиппиус, Балтрушайтисом, Макс. Волошиным и другими поэтами. Позднее Валерий стал приходить и на мои журфиксы, в которых участвовали писатели другой московской группы – Бунин, Зайцев, Ходасевич, А. Койранский, Соколов (Кречетов), К. Чуковский и другие.⁸

Атмосфера дружелюбного соперничества братьев запомнилась и одному из посетителей: “[...] являлся за чайным столом Саша Брюсов, еще гимназист, но тоже ‘поэт’; ставши ‘грифом’, он соединился с Койранским против брата: едкий, как брат, супясь, как петушок, говорил брату едкости; брат, не сердясь, отвечал.”⁹

В 1904 году, окончив гимназию, Ходасевич и Брюсов поступают в университет: первый – на юридический факультет, второй – на филологический (семестр спустя Ходасевич переведется сюда же). Краткий итог первого года обучения был подведен Брюсовым в беллетризованных мемуарах:

Начались занятия. Филологический факультет, на который поступил АП, насчитывал около 300 студентов. Аудитории факультета находились в подвальном помещении старого здания, в настоящее время находящиеся [sic] под Антропологич. музеем Университета. В университет впускали по билетам, снабженным фотокарточкою, и субинспекторы отмечали в журнале приход и уход каждого студента. Занятия мало отличались от гимназических. На занятиях латинским и греческим языком после вступительной речи профессора о значении того или иного автора, произведения которого выданы для разбора в этом году, студентов, как и в гимназии, вызывали и заставляли читать текст и переводить с соответствующим

разбором, слегка отличавшимся от гимназических требований и немного напоминающим обычные комментарии.

Некоторые профессора более чем прохладно относились к своим обязанностям. Так, например, Бельский, читавший курс логики, произносил вступительную речь, после которой рекомендовал трехтомный учебник логики Троицкого и появлялся только весной для приемки экзаменов.

Несколько оживленнее проходили занятия у молодого профессора Виппера, только что приехавшего из Германии и читавшего курс истории Греции.

Совсем убийственно скучны были занятия у профессора Брандта, читавшего курс старославянского языка. В течение двухчасовой лекции (без перерыва) он стоял спиной к слушателям и писал на доске комментируя написанное. А в заключение нередко заявлял “я, кажется, что-то здесь наврал” и стирал написанное. Надо сказать, что он считал себя великим баснописцем и выпустил два тома басен.

Между тем политическая обстановка в России все более накалялась, особенно по мере того, как развивалась русско-японская война, обнаружившая слабость царской России. Начались студенческие сходки. Университет был временно закрыт.

АП решил. После довольно тяжелой сцены с родителями он расстался с родным домом, не желая подвергать свою семью неприятностям и переехал жить самостоятельно на другую квартиру. Пользуясь знакомством с некоторыми из своих товарищей студентов, имевших связи с с.д., он организовал в своей новой квартире партийную явку и принял на хранение некоторые партийные документы.¹⁰

Упомянутая здесь “новая квартира” – снятая на паях с А. Койранским в районе Волхонки¹¹ – была описана в стихотворении А. Я. Брюсова, посвященном Муни и Ходасевичу: “Большая комната. Осенний сад в окне. / Шуршат старинные, потертые обои, / И каждый вечер здесь в заснувшей тишине / Мы сходимся, нерадостные трое.”¹² (Предложенное здесь автоописание дружеского кружка – “нерадостные трое” – было переменчивым, как и его состав; в это же время Муни очерчивал круг ближайших друзей, исключив, кстати, из него Ходасевича: “Саша Брюсов, Саша Койранский и Саша – я”).¹³

Насколько мы можем судить, отношение к революционным событиям 1905 года и степень вовлеченности в них в этот момент сделалось для Брюсова-младшего центральным пунктом самоидентификации – в том числе и поэтической. Согласно одной из версий его мемуаров, именно недостаточный энтузиазм старшего брата сделался причиной их размолвки: “Подобно многим своим сверстникам, включился в революционную борьбу и я. Отделился от семьи, переехал на другую квартиру.

В те дни у меня произошла некоторая размолвка с братом.”¹⁴ В эти же дни Ходасевич посвящает бывшему однокласснику стихотворение-декларацию, фиксирующее свершившееся расхождение:

Александрю Брюсову – Владислав Ходасевич

Ты изменил ненайденной отчизне.

Бальмонт

Меня роднят с тобою дни мечтаний,
Дни первых радостей пред жертвенным огнем;
И были мы во власти обаяний,
И сон ночной опять переживали днем.

Мы жили. Протекли мгновенья снов,
И я остался прежним, чуждым искушений,
Вдали от Дьявола Общественных Основ.
Но, соблазненный, ты вступил на путь падений.

Ты отошел от жертвоприношений,
Богам Неведомым. Пошел к богам отцов,
Вершить дела домашних устроений, –
Заботы будущих и прежних мертвецов.

Я вышел в жизнь. Быть может, мой удар,
Защитник от Судьбы, и робок, и не меток.
Но славлю жизнь за то, что я не стар, –
И не герой – в театре марионеток.

Москва, 12/IX 05¹⁵

Взяв последние две строки в качестве эпитафии, Брюсов отвечал ему встречным рифмованным памфлетом:

Одному из спутников

Но славлю жизнь за то, что я не стар, –
И не герой – в театре марионеток.

В. Х.

Мы шли по неровным ступеням
В глубины тюремного свода.
Мы знали, что клятве изменим,
Что нет нам отсюда исхода.

Восторженно в глуби провала
Ты бросился с факелом дымным
И звал меня в блеск карнавала
Молитвенно радостным гимном.

Но смотрят в забытую просинь
Былые мечтанные клятвы;
А мысли, что в позднюю осень
Колосья несобранной жатвы.

Я бросил далеко оковы,
Отторгнул невластные чары.
Свободен! и снова, и снова
Я с вами, о волны Сансары.

Как в море открытом, не знаю,
Куда и откуда плыву я.
Я вольные ветры встречаю,
Со встречным безумцем ликуя.

Я вышел из тьмы подземелья,
Из цепи танцующих масок.
Да здравствует пьяность веселья
И блески предупреденных красок.¹⁶

В практическом смысле эта смена жизненных устремлений проявилась в серии дальних путешествий, для того времени и круга беспрецедентных (десятилетием позже некоторые маршруты, освоенные Брюсовым, будут повторены Бальмонтом). Частично отображая увиденное в стихах (что дало основание старшему брату сыронизировать по поводу рифмованных травелогов: “[...] слишком мало стихотворений [...] Так мало, что чуть ли не каждое помечено новой частью света [...]”),¹⁷ за три года он объехал большую часть мира. В феврале 1906 года он был в Египте, в мае – в Индии; в том же году – в Константинополе;¹⁸ вероятно, тогда же он посетил Австралию.¹⁹ В ноябре 1906 года его видели в Москве (“И пьяная я говорила о постороннем, и пьяная я спокойно доехала с Александром Брюсовым. И даже без поцелуя руки расстались”),²⁰ откуда он, оставив доверенность на управление имуществом,²¹ вновь отправляется в путь – сперва в Париж (сопровождаемый своеобразным рекомендательным письмом: “Был ли у вас мой брат по пути в Америку? и юноша Гумилев? Первого не рекомендую, второго да”),²² оттуда – в Соединенные Штаты.²³

Лето 1907 года он проводит в России: 28 мая Нина Петровская письменно предвещает его появление на даче у Ходасевичей (“Вы спрашиваете о мальчиках – не знаю, почти не вижу, но они все же соби-

раются к Вам. Саша Брюсов и Муни”);²⁴ сам Ходасевич в письме к общему приятелю упоминал его среди множества гостей: “У нас все лето масса народу. [...] Около 15 июня приехал Муня, который еще у нас, а вчера объявился А. Брюсов, до среды.”²⁵

В начале 1908 года с интервалом в полтора месяца вышли дебютные книги Брюсова и Ходасевича: *По бездорожью* и *Молодость*,²⁶ синхронность издания и известный параллелизм судеб определили неизбежность их сопоставления: “Владя издал свою книгу. Поэзии в ней мало, но есть *боль*, а это кое-что. Не такая пустота, как стишки Alexander’a.”²⁷ В печатной рецензии Брюсова они хотя не соотносятся прямо, но объединяются в одном обзоре (‘Дебютанты’) приблизительно с теми же коннотациями: про Ходасевича сказано, что у него есть “острота переживаний”; про Александра Яковлевича – что его стихи “не из худших среди ежедневно появляющихся”, но с неутешительным выводом: “все же нам кажется, что автор не поэт и сделал бы лучше, если бы свои способности направил на другую область деятельности”.²⁸ Сходным образом отозвался о них Блок: “Ловкие и ни к чему не обязывающие декадентские стихи, напоминающие, как большинство современных декадентских стихов, преимущественно Валерия Брюсова.”²⁹

Вероятно, эти рецензии были им прочитаны с существенным опозданием: в первых числах марта 1908 года он был в Батуми,³⁰ откуда, как кажется, отправился в новую поездку: точные подробности ее неизвестны, но среди бумаг сохранилось расписание рейсов “Добровольного флота” на первую треть 1908 года, где отчеркнут маршрут парохода “Тамбов”: выходя из Одессы 10 марта, он следовал через Константинополь, Порт-Саид, Коломбо, Сингапур и Нагасаки во Владивосток, куда должен был прибыть 23 апреля.³¹ От посещения некоторых из этих пунктов у него остались вещественные памятки (рекламный буклет гостиницы “Глоб” в Коломбо: “Единственная Русская Гостиница”, “Говорят ио [sic] Русски”; преискурант лавочника из Нагасаки);³² иные не нашли отражения ни в архиве, ни в стихах. Обстоятельств завершения этой поездки мы не знаем; но твердо известно, что в следующее путешествие он отправился уже не один.

Несмотря на то, что Анна Ивановна Чулкова по праву рождения сызмальства обладала кругом литературных знакомств, документальные данные о ее биографии, особенно ранней, крайне незначительны.³³ Нам известны имя и род занятий ее первого супруга, Евгения Карловича Гренциона;³⁴ в бумагах ее гражданского мужа, Б. А. Диатроптова, была обнаружена лаконичная записка: “Боря, я ухожу к Саше Брюсову, прости, если можешь. Прачка принесет рубашки, отдай ей 20 копеек. Ньюра;”³⁵ ее невестка делилась эхом семейных пертурбаций: “Нюра ездила к дядюшке и объявила ему, что она разводится с Евг<ением> и выходит<ит> замуж за Брюсова.”³⁶ Датировать это событие мы не можем;

первый из разысканных документов, касающийся их совместной биографии – отчет о поездке в Италию начала 1909 года:

Снежный занос! Лавины! Поезд отправляется может быть завтра, может быть послезавтра, может быть через неделю. 61 километр заносов! Отели переполнены. Станция заставлена поездами. Австрияки потеряли голову и не знают, что им делать со снегом; лопаты неприспособлены, руки не привыкли, работают на расчистке так, что московские дворники, увидав, умерли бы от смеха.

Пока смешно и смеемся до колик в желудке. All-right – посидим в Villah'e [sic].

На станции кутерьма, служащие, начиная с начальника станции и кончая последним мальчиком, мечутся, как угорелые, под градом ругательств и укоризн.

Вот те и чорт. Поехали в теплые страны а попали в снежную мятель. Плевать!

Сейчас получили известие, что пробудем здесь три дня minimum. А maximum?

Гостиница великолепная, номер чист и светел. Все в аккурате. Нюрка довольна и весела.

Вот тебе и путь через Понтеббу, вот тебе и солнце Италии.

А в Венеции, говорят, на коньках по каналам катаются, во Флоренции, как тоже говорят, в снежки играют. Чем южнее, тем холоднее – двадцать два несчастья.

О Рим, Рим, не все дороги в тебя ведут.

От ужаса даже я по-немецки заговорил. Они то, голопятые немцы, понимают меня, а вот я плохо соображаю, что мне отвечают. Тож на тож выходит, как если бы и не знал ни слова по-немецки.

Однако, пока все идет как по маслу.

Вспоминаю Восточно-Китайское море, когда тайфун загнал нас в Натранга, место глухое и дикое: так и теперь приходится ознакомиться с Villah'ом [sic].

Взяли круговые билеты – дешево до глумления. Вена – Венеция – Флоренция – Рим – Анкона – Фиуме – Буда – Пешт – Вена второго класса 145 крон; удобно и на душе спокойно, билеты в кармане.³⁷

Вероятно, к первым месяцам после возвращения из этой поездки относится новое сближение Брюсова и Ходасевича:

Я в то время была замужем за Александром Брюсовым. Познакомившись с Владей, я настаивала, чтобы он возобновил прежние приятельские отношения с моим мужем. Владя стал у нас часто бывать, даже гостил у нас на даче, совместно переводил с А. Б. ка-

кой-то испанский роман, писали шуточные стихи, эпиграммы, пародии, акrostихи и тому подобные вещи. Я очень подружилась с Владей – он делился со мной своими новыми стихами, своими душевными и любовными переживаниями.³⁸

Первое из сохранившихся писем (оно датировано 1910-м годом),³⁹ написанных Анной Ивановной к Ходасевичу, своим приятельским тоном и апелляцией к общим воспоминаниям фиксирует уже высокую степень дружества:

Владя, пишу тебе еще письмо (только Бога ради не подумай, что я в тебя влюблена). Ты удивлен? Но представь себе, что у меня сейчас такое настроение, как у тебя было весной, а поделиться мне не с кем, ну вот я и пишу тебе – я ведь знаю, ты все понимаешь.⁴⁰

Эпистолярный диалог возобновился летом следующего, 1911 года, когда Брюсов с женой на все лето уехали в Париж:⁴¹ несмотря на то, что поездка готовилась заранее (“О наших слышала только, что Саша с Ньюрой едут на днях за границу и что Саша осенью будет служить солдатом”),⁴² под ее пером она принимает вид экспромта:

Пишу тебе это письмо в вагоне, который идет из Берлина в Париж. Надумали ехать в Париж внезапно, хотя я лично еду туда по делу: хочу учиться “маникюре, педикюре” вернувшись из-за границы [...], но не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого. А Саша едет потому, что любит ездить.⁴³

В качестве обратного адреса Анна Ивановна оставляет Ходасевичу парижский адрес своего брата и его жены; много лет спустя последняя вспоминала:

К концу наших прогулок по Парижу и его окрестностям в обществе русских наших знакомых приехала младшая сестра Георгия Ивановича, Анна Ивановна, только что вышедшая тогда за брата поэта Валерия Брюсова, Александра Яковлевича Брюсова. Он тоже, как и брат его, писал стихи, подписываясь “Александр”, но был более склонен к наукам. Это был еще очень молодой человек, увлеченный своей хорошенькой женой. Оба счастливые, они жаждали развлечений и веселились как дети, танцевали 14 июля, в день взятия Бастилии, на улице и даже катались на карусели на площади Сан-Мишель. Он гордо восседал на деревянном коне, она – в золотой коляске, похожей на колыбель для младенца. Оба от души смеялись, не меньше сидевших с ними рядом детей и взрослых молодых французов.⁴⁴

В середине лета Брюсов вернулся в Москву, а Анна Ивановна, как и предполагалось, осталась в Париже; из-за этого переписка этого лета, начинавшаяся как трехсторонняя,⁴⁵ сделалась диалогом – 28 июля Анна Ивановна писала Ходасевичу:

Живу в Париже одна, учусь beauté и предаюсь грустным думам. Думаю в сентябре вернуться в Москву, открыть “Институт красоты” и заработать кучу денег. Изволь присылать мне всех своих дамочек. Шурка очень доволен, что я стала большая. Чулковы уехали на море. Знакомых у меня в Париже только Савиничи.⁴⁶

Тот отвечал:

Милый ты мой Нюреныш, большое тебе спасибо за доброе письмо. Прости, что отвечаю не сразу: жарко здесь и лениво. Дни провожу либо в кафе, либо в церкви, либо в постели. Учишься наводить красоту? Ладно: все мои цыпочки отныне принадлежат тебе. То-то разбогатеешь. Я уж для тебя присматриваю палатку на Canal Grande.⁴⁷

Уехавшие в Нормандию Чулковы писали ей в Париж: “Здесь довольно глухо и пустынно, но все-таки без русских дело не обошлось. И еще беда: воняет рыбой во время отлива... Получаешь ли письма от Александра Яковлевича?”⁴⁸ В конце лета она переехала к ним: “Сестра Анна Ивановна, муж которой уехал в Москву, приехала к нам в Ипор на несколько дней. Французы в пансионе m-me Morisse были от нее в восторге и заочно называли ее ‘cette miniature’: она была маленького роста, грациозная.”⁴⁹

В ноябре того же года, когда все участники событий были уже в Москве, произошло решительное объяснение.

12 ноября. Инскрипт Ходасевича Анне Ивановне: “Милому Нюрику – спасибо за то, что он есть, за любовь, за небо и радость. – Ее Владислав.”⁵⁰

13-16 ноября. Письмо И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой:

В воскресенье на рождение Жени мама мне шепнула. – Нюра уходит от Саши и переходит к Владе. – Что Нюра уходит от Саши, меня не удивило, но что она переходит к Владе – это странно. Я ничего не знаю о их жизни, жизни Саши и Нюры, внешне они жили до последних дней очень мило.

На мамино рождение Нюра и Владя очень пугали Маню Губкину своим отношением, я это заметила.

Мне жаль Нюру, она сама кукла и ум у ней игрушечный.

Я не стану узнавать, почему они разошлись, мне это ни на что не нужно. Сама Нюра мотивирует влюбленностью. “Мне не груст-

но потому что у меня большая радость на душе – я люблю и меня любит Вл.” Как люди живут по книжному! Но я лучше молчу, все мои слова склоняются к осуждению. Все же я Нюру не считаю такой идеалисткой.

17. Сегодня будет Эстетика. Повестку, должно быть, получили. Вечером не будет времени писать. Мой привет. [...]

На Эстетике Женя была, спрашиваю как Саша и Нюра. Женя (удивившись, что я знаю*, что мне рассказала мама) говорит, что им обоим лучше, что и Саша доволен и Нюра тоже. Мне все же жаль Нюру. Сегодня Броня по поручению Н. спрашивала, не куплю ли я велосипед.

Мама переселилась к Саше. Говорит, он весел и спокоен, мама, конечно, судит только внешности. Гаррик отдан отцу. Очень трогательно, что фрейлейн сегодня отыскивала по телеф<ону>. Нюру, что она, фрейлейн, мол тщетно приходит на условленное место с мальчиком, чтоб встретить Нюру, и ее все нет.

* Знают об этом все в Москве.⁵¹

24 ноября. Ходасевич – Нине Петровской: “Прошло с тех пор полторы недели. Сегодня я в силах сообщить Вам лишь факты, о коих Вы, пожалуй, уже знаете. Ныне под кровом моим обитает еще одно существо человеческое. Если еще не знаете кто – удивитесь: Нюра”.⁵²

В тот же день. Н. Я. Брюсова – Анне Ивановне:

Привет, Нюра милая, желаю тебе счастья в твоей новой судьбе. Жду, что ты напишешь мне, ведь ты и на последнее мое письмо мне не ответила. [...]

А что Гарреньшек? Напиши о нем. Устроились ли вы, нашли ли квартиру? Этот адрес, по которому я пишу, есть уже нечто прочное, или только временное? Лида мне писала о тебе, но все же я всего не знаю из этих подробностей.⁵³

2 декабря. Анна Ивановна – Н. Я. Брюсовой:

Дорогая Надя!

Спасибо тебе, родная, за письмо: было страшно немножко. Теперь уже лучше, есть еще страх, но уже за другое – за Гареньша.

Не умею я писать писем, а тебе особенно – ведь ты строгая. Но все-таки попытаюсь рассказать, как было. Помнишь, еще весной между мной и Сашей были недоразумения? Потом, за границей, я вдруг почувствовала себя большой. Большой и приехала в Москву. А Саша все продолжал быть маленьким. Да еще ему дали новую игрушку – военную службу. Вот он и ушел с нею куда-то далеко от меня. А я осталась одна. Правда, было утешение – моя дружба с

Владей. Помнишь, весной я не знала, куда пойти с моим горем, к тебе или к Владе? Мы давно были очень дружны. День ото дня Саша все дальше уходил от меня, а дружба с Владей – крепла. А вот как пришла и когда пришла любовь – не знаю. Знаю, что люблю Владю очень как человека, и он меня тоже. Нет у него понятия о женщине как о чем-то низком и благодаря этому все гораздо проще и понятней. Наша старая дружба позволила нам узнать друг друга без прикрас, которыми всегда прикрываются влюбленные.

Все-таки перед уходом от Саши было у меня маленькое колебание: страшно, если Гарька будет голодать. Потом поняла, что гадко обманывать себя и Сашу даже из-за Гареньша.

Ведь мне еще только 25 лет! Неужели же я не найду возможности как-нибудь заработать деньги для Гарьки? Пока не кончу курсы, будет мне трудно. Гареньш сейчас у отца с Fröulin [sic] и чувствует себя хорошо. Я его почти каждый день вижу. Я сейчас живу в одной комнате с Владей и питаюсь ресторанной едой.

Мечтаю продать рояль и на эти деньги снять крошечную квартиру и купить кровать, стол и стулья и быть опять с Гареньшем. На курсах много занятий.

Кроме того, помогаю Владе – выписываю ему стихи для какого-то сборника. Знаешь, даже согрешила сама: написала два стихотворения, конечно, очень нескладно.

Еще новость: научилась любить небо. Это большое счастье.

Прости, дорогая Надя, что пишу так глупо и нескладно. Может быть, через год так вырасту, что научусь даже писать письма. Я теперь во все верю. Прощай, милая! Пиши мне пока на тот же адрес. Лидушу твою очень люблю. Владя шлет тебе сердечный привет.

Твоя Нюра.

2 декабря 1911 г.⁵⁴

Полвека спустя:

Как раз в этот период времени я ушла от Александра Брюсова и мы стали жить вместе с Владей. Первый месяц нашей совместной жизни был печальный: нервы Влади были в очень плохом состоянии, у него были бессонницы и большая возбужденность к ночи. Врач посоветовал класть холодный компресс на голову и грелку к ногам.⁵⁵

В 1910-е годы А. Я. Брюсов практически отходит от литературы: библиографией учтена единственная его стихотворная публикация этого времени (на весьма оригинальном носителе: в отрывном календаре),⁵⁶ одна водевильная сценка⁵⁷ и несколько переводов, центральный среди которых – *Ужин шуток* Сема Бенелли.⁵⁸ В 1912 году он (на паях с О. Г.

Кузнецовой) организовал киностудию;⁵⁹ судя по тому, что никаких следов ее продукции до наших дней не дошло, эта инвестиция оказалась неудачной.⁶⁰ Другое его коммерческое предприятие – магазин “Фотографические и электротехнические принадлежности” (Арбат, 51), в управление которым были вовлечены и другие члены семьи, несмотря на некоторые трудности, оказалось более успешным и просуществовало до конца войны.⁶¹

При этом круг его знакомств и интересов по-прежнему оставался в основном литературным; в частности, он принимал участие в московском диспуте об акмеизме.⁶² Один из его писательских контактов вызвал живое неудовольствие Ходасевича:

Декольте-Маяковский (какая отличная фамилия для шулера!), пожалуй, не хулиган, а просто кабафут. Они теперь ходят табунком: Ал. Брюсов, Ал. Койранский, еще какая-то тля газетная и он. Говорят, рубаха-парень, выпить не дурак, человек компанейский и “без претензий”. Вот бы нам с Вами сделаться без претензий!⁶³

С первых дней войны Брюсов, будучи младшим унтер-офицером запаса (он служил в Таврическом 6-м Гренадерском полку), был призван на фронт. До начала сентября 1914 года его полк находился в тылу (письма помечены Камышловым);⁶⁴ в середине месяца он пишет свояченице по-итальянски (вероятно, чтобы притупить бдительность цензора) о предстоящих маневрах;⁶⁵ в начале ноября он участвует в боях близ Винницы.⁶⁶ Далее следует значительный перерыв в хронике; Карпатами и 12-м марта следующего года помечен один из его военных рассказов,⁶⁷ после чего сведения обрываются надолго. 3 августа Муни пишет Ходасевичу: “Я очень рад: получил телеграмму, что Саша жив, а ведь из Москвы уезжал в полной уверенности в обратном.”⁶⁸ Согласно воспоминаниям, у Брюсовых появился его денщик, сообщивший, что он попал в плен.

Четыре с лишним года он пробыл в лагере для военнопленных близ города Neisse, написав и получив за это время несколько десятков писем, по которым без труда реконструируется и область его интересов, и круг занятий. Он выращивает овощи, переводит с испанского, итальянского, английского и провансальского; тренируется в кулинарии; оттачивает свою латынь; занимается электротехникой и собирается изучать археологию.⁶⁹ Несмотря на уверения корреспондентов (среди которых в какой-то момент появляется другой военнопленный – С. А. Соколов),⁷⁰ он был настроен пессимистически по поводу своего грядущего освобождения, почти не поддаваясь ностальгии, но порой недоумевая: “Случайно узнал о лекциях Ходасевича, Зайцева, Шершеневича и др. по поэтике. Следовательно все они в Москве?”⁷¹

Он был освобожден лишь на рубеже 1918 и 1919 годов, с последними партиями возвращающихся домой пленных; 13 января он записывает в альбом бывшей жены 'Не-альбомные стихи': "На пороге разбитой халупы / Под осенним тоскливым дождем / Старый пес, одинокий и глупый / Сторожит обезлюдевший дом."⁷² Три месяца спустя Ходасевич в сардоническом отчете петербургскому приятелю упоминает его в числе общих знакомых:

Младший брат его <В. Я. Брюсова> вернулся из плена, изучив там шестьсот шестьдесят шесть языков, коим не может найти применения, ибо кроме него на сих языках говорят одни католические миссионеры, побывавшие в Центральной Африке. Но миссионеры съедены еще до введения карточной системы. Из сего благоволи́те заключить, что я не подобрел, а Саша не поумнел.⁷³

В 1919 году оба брата Брюсова работали в Книжной Палате, куда по их приглашению поступила и А. И. Ходасевич.⁷⁴ Вскоре младший Брюсов был призван в Красную Армию,⁷⁵ а Ходасевич – по протекции старшего – занял его место.⁷⁶ Еще два года спустя, когда Ходасевич, уже будучи петербургским жителем, ненадолго приезжал в Москву, он последний раз навистил своего бывшего приятеля:

Заходил я к Саше Брюсову, зайду еще к Лиде. Саша – совершенный идиот. Он говорил мне такое, что сказать невозможно. Очень увлечен – переводом англ. книг по портновскому ремеслу. Жену не видал. Впрочем, она живет в комн. Matr. Алдр. У нее урыльник с веночками, Епріге; она старообрядка; чтоб жениться, Саша принял сию веру. Ты и представить себе не можешь, как сложно переходить: часа 1 ½ тяжелой работы. Саша мне все рассказал и, *на всякий случай*, научил меня отречься от Никоновой ереси. Так что, если я перейду в православие, то уж теперь мне ничего не стоит сделаться старообрядцем.⁷⁷

Дальнейшая биография Александра Яковлевича лежит за пределами нашего сюжета: в 1922 году он вернулся в университет, который закончил три года спустя. С 1925-го года – аспирант Института археологии и искусствознания и по совместительству – помощник хранителя ГИМ'а. В 1929-1931 гг. – старший научный сотрудник Института археологии и искусствознания. В 1931-1937 гг. – старший научный сотрудник Московского Отделения Государственной Академии истории материальной культуры. В 1937-1944 гг. заведующий 1-м археологическим отделом в Историческом музее. С 1944 года – старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Автор нескольких книг, заместитель ответственного редактора

журнала *Советская археология*, почетный член нескольких европейских ученых обществ. Умер 1-го декабря 1966 года.

Разысканная часть переписки А. Я. Брюсова и В. Ф. Ходасевича, публикуемая в настоящем номере, печатается по автографам: РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 57 (письма Брюсова); РГБ. Ф. 708. Карт. 7. Ед. хр. 55 (письма Ходасевича); РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 40 (письма Ходасевича, адресованные одновременно А. И. и А. Я. Брюсовым); РГБ. Ф. 627. Карт. 28. Ед. хр. 46 (письмо Брюсова). Ради связности диалога в публикацию включены два письма Ходасевича, уже не раз появлявшиеся в печати. Хранящаяся в одной архивной единице с письмом Ходасевича к Брюсову открытка от 28 июня/11 июля 1911 года, напротив, из публикации исключена, поскольку она, вопреки атрибуции архивистов, адресована Муни.⁷⁸ Последствия легкого легастенического дефекта, свойственного А. Я. Брюсову (в частности, он почти всегда опускает мягкий и твердый знаки на конце слов) исправлены безоговорочно. Пользуемся случаем выразить благодарность за ценные замечания Н. А. Богомолу, И. С. Булкиной, Е. В. Кассель, В. Э. Молодякову, Л. И. Соболеву, Н. Н. Соболевой, Р. Д. Тименчику и С. А. Чурилову.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Источники к биографии А. Я. Брюсова немногочисленны и не систематизированы; к аккумулярованным в словарной статье (К. М. Поливанов, 'Брюсов Александр Яковлевич', *Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь*, т. 1, А-Г, Москва, 1989, сс. 332-333) следует прибавить: 'Александр Яковлевич Брюсов', *Советская археология*, 1960, № 3, сс. 3-5; В. М. Раушенбах, 'К 80-летию Александра Яковлевича Брюсова', *Советская археология*, 1965, № 3, сс. 81-87; 'Брюсов Александр Яковлевич', *Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий*, Москва, 2000, сс. 60-62; Б. В. Каховский, 'Брюсов Александр Яковлевич', *Краткая чувашская энциклопедия*, Чебоксары, 2001, с. 93; 'Брюсов Александр Яковлевич', *Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Библиографический словарь*, Чебоксары, 2004, сс. 41-43 и др.
- ² В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, Москва, 1997, сс. 285, 294-295.

³ РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 26. Л. 9 об.-10. Главный герой выведен под инициалами “АП”. Ср. там же: “Кончились вечные драки со ‘строгановцами’, учениками Строгановского училища, помещавшегося на Рождественке, недалеко от гимназии, в которой учился АП. Кончились бои “стенка на стенку” между классами. Кончились бессмысленные, но веселые шалости детства” (Л. 10 об.).

⁴ *Современники о Владиславе Ходасевиче*, сост. А. С. Бергер, Санкт-Петербург, 2004, с. 19.

⁵ ‘Письмо к С. Я. Эфрону от 7 июля 1916 г.’, М. Цветаева, *Письма. 1905-1923*, Москва, 2012, с. 220. В том, что речь идет именно о младшем Брюсове убеждает нас появление на следующей строке имени Е. И. Сыроечковского, директора 3-й гимназии. Источником рассказа, по всей вероятности, послужил либо сам Ходасевич, либо А. И. Ходасевич, к которой Эфрон заходил в Москве в эти же дни, ср.: “С Эфроном мне не пришлось как-то хорошо поговорить. Сперва он меня не застал дома (по телефону), а утром я ему позвонила из Управы, но в это время ко мне подошел Борис с каким-то делом и стоял над душой и меня торопил, т. ч. я говорила и слушала как-то очень бестолково. Ужасно это было досадно” (Письмо А. И. Ходасевич к В. Ф. Ходасевичу от 11 июля 1916 г., РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 43 об.; Борис – вероятно, Б. А. Диатропов, в прошлом – гражданский муж А. И. Ходасевич, а на этот момент – ее сослуживец по городской Управе); “Эфрон пишет, что ты так хорошо его приняла, что он опять к тебе собирается. Спасибо тебе за это: во-первых, он умный и хороший мальчик, а во вторых ты знаешь, как я рад, когда тебя любят и хвалят” (Письмо В. Ф. Ходасевича к А. И. Ходасевич от 20 июля 1916 г., РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 47).

⁶ Цит. по комм. И. П. Андреевой: В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 602.

⁷ В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 19.

⁸ А. Я. Брюсов, ‘Из воспоминаний о брате (К девяностолетию со дня рождения В. Я. Брюсова)’, *Ставрополье*, 1964, № 1, с. 55. Александром Яковлевичем было доведено до печати четыре мемуарных очерка, посвященных собственной семье: ‘Воспоминания о брате’ (*Брюсовские чтения 1962 года*, Ереван, 1963, сс. 293-301); ‘Из воспоминаний о брате’ (*Ставрополье*, 1964, № 1, сс. 55-57); ‘Страницы из семейного архива Брюсовых’ (*Ежегодник Государственного Исторического Музея на 1962 год*, Москва, 1964, сс. 233-248) и ‘Литературные воспоминания’ (*Север*, 1965, № 4, сс. 128-135); отдельной заботой его были содержательные различия между версиями; ср.:

Ваше предложение написать заметку с воспоминаниями о Валерии застало меня врасплох. Как Вы видели, я только что сдал аналогичную заметку в Армении. Следовательно, надо бы было написать теперь нечто иное, а это, конечно, уже труднее.

Я попытаюсь за эти праздничные дни сделать, что могу, но, если получится неудачно, то очень буду просить Вас, не стесняясь, бросить эту заметку в мусорный ящик. Этим Вы меня не только не обидите, но и обяжете.

(Письмо к В. С. Дронову от 31 декабря 1962 г., РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 26. Л. 1; речь идет о подготовке материала для *Ставрополя*)

- ⁹ А. Белый, *Начало века*, Москва, 1990, с. 186.
- ¹⁰ РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 26. Л. 12 об.-13.
- ¹¹ Сведения об их совместном быте восходят к письмам А. Койранского к М. Вишняку, отреферированным в комментариях И. П. Андреевой: В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 604. Ср. кстати реплику Н. И. Петровской: “Я скоро буду как Саша Койранский, который способен полсуток простоять около биллиарда, где играют Вл<адка?> с твоим братом, – не меня позы, не меня выражения бледно-бирюзовых стеклянных глаз” (‘Письмо к В. Я. Брюсову от 6/19 января 1909 г.’, *Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка, 1904-1913*, вступительные статьи, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова и А. В. Лаврова, Москва, 2004, с. 408).
- ¹² Alexander [А. Я. Брюсов], *По бездорожью. Стихи*, Москва, 1907, с. 27.
- ¹³ И. Андреева, ‘Свидание у звезды’, С. Киссин (Муни), *Легкое время. Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем*, Москва, 1999, сс. 282-283.
- ¹⁴ А. Я. Брюсов, ‘Литературные воспоминания’, *Север*, 1965, № 4, с. 129. Брат, в свою очередь, относился к революционным увлечениям мемуариста более чем скептически: “Мой брат делал вид, что он все знает, со всеми в сношениях, но все его известия оказывались вздором” (В. Брюсов, *Дневники. Автобиографическая проза. Письма*, Москва, 2002, с. 156); ср. в письме к отцу с отчетом о благотворительном вечере: “Вечер о Бодлэре был в пользу безработных. Хотя был уже вовсе не сезон, выручили 60 р. чистых. Не так, как Саша, который устраивал ‘вечер’ в Малаховке в пользу военной организации сд партии и понес 40 р. или 50 р. убытку!” (письмо от 3 июня 1907 г.; цит. по: И. Ямпольский, ‘Валерий Брюсов и первая русская революция’, *Литературное наследство*, т. 15, Москва, 1934, с. 212).
- ¹⁵ Хранится среди писем Ходасевича к Брюсову (РГБ. Ф. 708. Карт. 7. Ед. хр. 55). В современном собрании сочинений предпочтение в качестве источника текста отдано записной книжке, где оно начертано с усекновением третьей строфы (см.: В. Ходасевич, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 1; *Полное собрание стихотворений*, Москва, 2009, сс. 251, 521).
- ¹⁶ Alexander [А. Я. Брюсов], *По бездорожью. Стихи*, Москва, сс. 30-31.

- ¹⁷ В. Я. Брюсов, *Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии*, сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев; вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова, Москва, 1990, с. 265.
- ¹⁸ Основной источник к реконструкции маршрутов – отложившиеся в архиве чеки, счета и телеграммы; так, 26 февраля 1906 г. (здесь и до конца этого примечания даты даются по новому стилю) он получил телеграмму в Александрии; 26 мая того же года – расплачивался в Бомбее; 28 июня останавливался в Eden Palace Hotel (Каир) (РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 2). В эту же поездку он запрашивал финансовой помощи у родственников: “Вчера пришла от Саши телеграмма, что чека он не получил. Сегодня я послала ему деньги телеграммой через Лионский Кредит. Они звери взяли очень дорого, – да еще отдельно пришлось телеграмму послать Саше, что деньги посланы. Так что я загубила понапрасну много денег, да и Саше все же дня 4, 5 пришлось ждать в Александрии, да того гляди начнется забастовка, когда он приедет в Россию!” (Письмо Н. Я. Брюсовой к И. М. Брюсовой 13 июля 1906 [год по п.ш.], РГБ. Ф. 386. Карт. 147. Ед. хр. 9. Л. 23 об.24). Константинополь и Египет нашли отражение в стихах: Alexander [А. Я. Брюсов], *По бездорожью. Стихи*, сс. 10-11; ср. также стихотворение ‘Каир’ с обилием египетских топонимов: “Мир вам, далекие пески моей пустыни, / Каиро и Мемфис, Булак и Гизерет. / Я, не забывший вас, влюбленный в вас, я ныне / Из дали и снегов приветствую вас всех, // Благословенны вы, и узкий, шумный Муски, / И в летнюю жару приют – Эзбекиэх. / Из дали и снегов, далекий, чуждый, русский, / Знакомые места, приветствую вас всех” и т. д. (РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 29. Л. 6).
- ¹⁹ В его архиве отложилась реклама “Railway Club Hotel” из Мельбурна. Не этот ли случай припоминал Б. Садовской: “Юный декадент поехал в Австралию; на пристани в Мельбурне выпил стакан чаю и отправился обратно в Замоскворечье” (Б. Садовской, “Записки. 1881-1916. Публ. С. Шумихина”, *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах*, т. 1, Москва, 1994, с. 154)?
- ²⁰ ‘Дневниковая запись Л. Д. Рындиной от 19 ноября 1906 г.’, Н. А. Богомолов, *Вокруг “Серебряного века”. Статьи и материалы*, Москва, 2010, с. 379.
- ²¹ Датирована 23 ноября 1906 г.; доверитель титулован: “Студент Московского Императорского Университета А. Я. Брюсов”, РГБ. Ф. 386. Карт. 133. Ед. хр. 17. Л. 1.
- ²² Письмо В. Я. Брюсова к З. Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г., ‘Письма к петербургским и московским литераторам. Публ. А. Н. Дубовикова’, *Литературное наследство*, т. 85, Москва, 1976, с. 689.
- ²³ Единственный сохранившийся документ, связанный с этой поездкой – реклама “Brodt’s Knickerbocker Hotel” в Нью-Йорке; ср., впрочем, помету “New-York [sic], 07” под антиурбанистическим стихотворением “Я исходил весь мир, все земли, все моря...” (Alexander [А. Я. Брюсов], *По бездорожью. Стихи*, с. 7).

- 24 Письмо к Ходасевичу от 28 мая 1907 г., ‘Из переписки Н. И. Петровской. Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой’, *Минувшее. Исторический альманах*, т. 14, Москва-Санкт-Петербург, 1993, с. 383.
- 25 ‘Письмо к Г. Л. Малицкому от 7 июля 1907 г.’, В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 380. Из того же письма известно об еще одном маршруте того же года: “Саша Брюсов был на Кавказе в одно время с тобой” (там же).
- 26 Первая – в конце января (*Книжная летопись Главного управления по делам печати*, № 5, 2 февраля. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 25 января по 1-е февраля 1908 г., сс. 1); тираж 1000 экз. В ее полиграфической судьбе примечательны (и необъяснимы) два обстоятельства: а) 1907-й год на титульном листе (на обложке – 1908); б) то, что автор, будучи в хороших отношениях с владельцем издательства “Гриф”, издал ее без всякой марки. *Молодость* вышла в первых числах марта (*Книжная летопись Главного управления по делам печати*, № 11. 15 марта. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 6 марта по 13-е марта 1908 г, с. 21. Тираж 600 экземпляров. Брюсов преподнес Ходасевичу экземпляр своей книги с инскриптом: “В. Ходасевичу от Alexander’a, который убежден, что ‘Молодость’ будет лучшей книгой за последнее время” (В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 601).
- 27 ‘Письмо В. Я. Брюсова к Н. И. Петровской от 12 марта 1908 г.’, *Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. 1904-1913*, с. 268. Ср. кстати сходное обобщение, предпринятое Петровской:

Ну что Вам делать с этими хамами вроде Владьки? Это ведь будущий “барон” из “Дна” Горького. Это несчастная, нищая и отвратительная душа. Ненави<жу> его здесь! Не написала ему ни строчки, и вообще моей дружбе с ним конец. Господи! Да лучше уйдемте в пустыню, будем питаться памятью о прекрасных прошлых днях, если им не суждено повториться, чем отдать себя на растерзание этим отвратительным дьяволятам с офортов Гойи. А ведь они не подходят просто, они вгрызаются в Вас, как могильные черви, как паразиты, которые должны питаться соками чьих-то душ. Муни, Владька, Койранский, А. Брюсов всем им одна цена грош. Это отвратительная накипь литературы и жизни, о которой стыдно будет вспомнить.

(Письмо к Е. Л. Янтареvu от 13/26 апреля 1908 г.; цит. по: Н. А. Богомолов, ‘Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу’, *НЛО*, № 14, 1995, с. 120)

- 28 В. Я. Брюсов, *Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии*, сс. 264, 265.
- 29 А. А. Блок, *Полное собрание сочинений и писем. В двадцати томах. Том восьмой. Проза (1908-1916)*, Москва, 2010, с. 169.

- 30 В бумагах сохранился билет для входа в Батумское общественное со-
 31 брание, датированный 7 марта 1908 г. (РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л.
 32 7); ср. также письма 6 и 7, представленные в настоящем номере.
 33 РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 27-30.
 Там же; Л. 34-37, 33.
 Среди сведений о ней, разбросанных по эпистолярной современников,
 особенно примечательными представляются нам отзывы Е. К. Герцык,
 сделанные в 1930-е годы; ср., например:

В одну ночь, кот<орую> я проводила у А. И., она показала мне свои фотографии молодости (на нек<оторых> она оч<ень> хороша) и рассказывала свои бесчисленные любви. Мне не кажутся они значительными, трагическими, но в то же время как будто и не развратными. Она, скорее, привлекательна в них какой-то своей детскостью, непосредственностью. И через все – любовь к единств<енному> сыну [...]. Но сама она гов<орит>, что никогда не было такого счастья, такой полноты, как в этот год. И все ее молод<ые> фотогр<афии>, правда, скорбные. (‘Письмо к В. С. Гриневич от 16 июля 1936 г.’, *Переключка через “железный занавес”*. Письма Евгении Герцык, Веры Гриневич, Лидии Бердяевой, Москва, 2011, с. 245)

- 34 “Экон<ом> и завед<ующий> канц<елярией> Моск<овской> Глазн<ой>
 больн<ицы>”; Чл<ен> правл<ения> и казнач<ей> гимн<астического>
 о<бществ>а “Сокол IV”” (*Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 год*, Москва, 1913, с. 150). Реконструкция его биографии, вполне, кажется, посильная, лежит за пределами нашей нынешней задачи.
 35 Д. Б. Диатроптов, ‘О моих родителях’, *Наше наследие*, 1988, № 3, с. 94.
 36 Недатированное письмо Н. Г. Чулковой к Г. И. Чулкову, РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 399. Л. 58 об.
 37 Письмо к В. Я. Брюсову из австрийского Villah [sic], РГБ. Ф. 386. Карт. 78. Ед. хр. 20. Л. 5-5 об. Вернулись они не позже августа; их приезд приветствовал А. А. Койранский: “Как люди жалки и бессильны / И как над ними властен рок! / Я не могу удрать из Вильны, / А ты в Каире быть бы мог. / Я – для воинственной утечи, / Ты – для семейственных забот, / Забыли стран далеких вежи / И птиц свободный перелет. / Хотел бы я, как должно барду, / Перековать на кий свой меч, / Чтоб, возвратившись вновь к биллиарду, / С тобой искать жестоких встреч” (23 августа 1909 г. по н. с.; дата по п. ш., РГБ. Ф. 708. Карт. 7. Ед. хр. 73. Л. 1; в описи и каталоге – письмо неизвестного лица).
 38 *Современники о Владиславе Ходасевиче*, с. 22. *Испанский роман* – не вполне ясно. Единственный перевод, над которым они работали вместе – трактат ‘Молот ведьм’, издание которого было анонсировано “Грифом”.
 39 Корпус был, по всей вероятности, прорежен самой Анной Ивановной. Предлагая архив Ходасевича к продаже в Литературный музей в 1933

- году, она указывала в предварительной описи эпистолярии: “9. Письма поэта к жене. 170. 10. Письма жены поэта. 70” (РГБ. Ф. 369. Карт. 449. Ед. хр. 63. Л. 3).
- 40 Письмо 14 декабря 1910 г. (дата по п. ш.), РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1.
- 41 Была еще одна, слабо документированная поездка в Париж на рубеже 1910 и 1911 годов, начальные даты которой (начало-середина ноября) определяются по письму № 8. К ней относятся сохранившаяся в бумагах Брюсова программа французского кинотеатра *Cinéma des chefs-d’oeuvre* с 26 декабря 1910 до 1 января 1911 (РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 2) и неожиданный привет мимолетного знакомого: “Пользуясь случаем, прошу Вас передать мой привет брату Вашему Александру Яковлевичу, с которым я познакомился в Париже у Елизаветы Сергеевны Кругликовой” (письмо А. Биска к В. Брюсову от 20 февраля 1911 г., цит. по: К. М. Азадковский, *Рильке и Россия*, Москва, 2011, с. 375).
- 42 Письмо И. М. Брюсовой к М. А. Брюсовой от 18 июня 1911 г., РГБ. Ф. 708. Карт. 5. Ед. хр. 56. Л. 2. В эти же дни И. М. Брюсова писала Анне Ивановне: “Есть у меня к вам просьба, Нюра, если вы действительно на все лето уедете в Париж, то не отдадите ли мне *на прокат* ваш велосипед, который верну в целости и аккуратности” (недатированное письмо, РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 59. Л. 1).
- 43 Недатированное письмо Ходасевичу, РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 2.
- 44 Н. Г. Чулкова, ‘Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми’, РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 137-138.
- 45 См. письма 9, 10 и 11, помещенные в настоящем номере.
- 46 Письмо от 28 июня 1911 г. (н. с.; дата по п. ш.), РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 3. Борис Павлович Савинич – журналист, критик и поэт (единственная разысканная публикация стихов – вместе с А. Я. Брюсовым и Муни – в альманахе *Кристалл*, Харьков, 1908); зять Б. Диатроптова; в 1912-1915 гг. редактор газеты *Красноярск*; позже – сотрудник *Утра России* и *Народоправства*.
- 47 ‘Письмо от 3 августа 1911 г.’, И. Андреева, *Неуловимое создание*, Москва, 2000, с. 172.
- 48 Недатированное письмо Г. И. Чулкова из Yport, РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 29. Л. 1.
- 49 Н. Г. Чулкова, ‘Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми’, Л. 138.
- 50 В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 612.
- 51 Письмо И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой, РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 52-53. *Воскресенье* – 13 ноября. *Женя* – Евгения Яковлевна Брюсова (1882-1977). *Маня Губкина* – Мария Александровна Губкина, певица, двоюродная сестра Брюсовых. *Эстетика* – заседание Общества

- свободной эстетики. *Гаррик* – Эдгар Евгеньевич Гренцион (1906-1957), сын А. И. и Е. К. Гренциона; впоследствии – актер.
- 52 В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 386.
- 53 РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 60. Л. 1, 2. Гарренишек – Э. Е. Гренцион (см. прим. 51).
- 54 В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, с. 612 (приводится в комментариях И. П. Андреевой).
- 55 *Современники о Владиславе Ходасевиче*, с. 24.
- 56 ‘Метель’ (“Дрожью бешеного бега...”) [листок отрывного календаря за 18 февраля 1913 года], РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 30.
- 57 ‘Живые портреты. Роман в 1 действии’, *Утро России*, 5 июля 1914, № 154, с. 2 (на отложившейся в архиве вырезке помета рукой автора: “Сценка эта шла в театре ‘Летучая мышь’ и написана была по заказу Балиева”; там же, Л. 19).
- 58 Сем Бенелли, *Ужин шуток: Драматическая поэма в 4 д.*, пер. Александра Брюсова, Москва, 1911.
- 59 “Брюсов и Кузнецова. Учред. младший унтер-офицер запаса, бывший студент Императорского москов. университета Александр Яковлевич Брюсов и москов. мещ. Ольга Григорьевна Кузнецова Т-во полное с капиталом в 1000 р. подписывают учредители (производство синемаграфических лент, Нашекинский пер. д. № 3-й)” (‘Московские торговые дома. Новые’, *Коммерсант*, 1912, 26 октября, № 932, с. 3).
- 60 Следы его более ранних коммерческих проектов, безусловно, существовавших (ср. раздражение старшего брата по поводу реализации общего имущества: “Не знаю, я ли безнадежно торможу дело или мой брат только прикидывается деловым человеком, но только предприятие наше безнадежно не подвигается вперед”; ‘Письмо к Н. И. Петровской от 8/21 ноября 1908 г.’, *Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. 1904-1913*, с. 334) до нас не дошли.
- 61 Рассмотрение финансовой стороны биографии семейства Брюсовых может составить тему увлекательного расследования, несколько затрудненного явно намеренным изъятием из архива перед передачей его на государственное хранение большинства деловых бумаг. Фотомагазин был основан А. Я. Брюсовым на паях с Болеславом Густавовичем Сабинским (?-1919?), братом его однополчанина, Николая Густавовича; позже компаньон был уличен в злоупотреблениях:

Я был бы бесконечно рад, если бы, как Вы пишете, дошедшие до меня слухи оказались в действительности лишены основания. Поверьте, что мне меньше, чем кому либо, хотелось бы видеть Болеслава в той роли, каковую ему приписывают. Но [...] более детальные сведения (или слухи, – как хотите) говорят о следующем: 1) товар, покупаемый в кредит, заносится, как купленный за наличные (в данном случае получается разница в обороте денег и соответственно заминки в платежах и необходимость учета век-

селей). 2) Цена купленного товара ставится выше действительной. Отсюда вывод: цифры в книгах и даже счета (если они сохранились) не могут этого обнаружить. Еще один пункт выдвигаемого обвинения опять таки поддается проверке только свидетельскими показаниями. Это – уменьшение цифры дневной выручки путем непробивания в кассе суммы (более относится к Ольгерду). Все это я сообщаю теперь уже только для объяснения моего письма. Я не хочу приводить сообщенные мне конкретные случаи подобного рода, потому что уже позднее я получил известие, что с момента участия в делах мамы и Лиды случаи эти прекратились. Если мне удастся побывать весной в Москве, я обязательно найду и покажу Вам эти письма, чтобы доказать, что я действовал bona fide, когда писал Вам и Жене.

(Письмо А. Я. Брюсова к И. М. Брюсовой от 20 февраля 1915 г., РГБ. Ф. 386. Карт. 144. Ед. хр. 49. Л. 4 об.-5)

- 62 Апрельский диспут в Московском литературно-художественном кружке; в хронике указано: “Кроме того, выступали А. Я. Брюсов, Ф. Ф. Коммиссаржевский и Я. Новиков” (‘Литературный диспут’, *Русское слово*, 1913, № 83, 10 апреля, с. 6).
- 63 ‘Недатированное письмо к Б. А. Садовскому’, В. Ходасевич, *Некрополь. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому*, предисл. и коммент. Н. Богомолова, примеч. к письмам и заключ. ст. И. Андреевой, Москва, 1996, с. 439. О своих встречах с Маяковским Брюсов рассказал в мемуарном очерке ‘Литературные воспоминания’ (*Север*, 1965, № 4, сс. 131-132).
- 64 См., например, письмо к Б. М. Рунт от 8 сентября 1914 г.: “Моим молчанием не смущайтесь: абсолютно некогда и не о чем писать. Но зато очень хотелось бы узнать обо всех знакомых; вероятно Вы имеете о них какие-нибудь сведения. Поклон всем” (РГБ. Ф. 386. Карт. 144. Ед. хр. 52. Л. 1).
- 65 “Oggi ho conosciuto, che il nostro battaglione partira tutto per le piccolo parte prima le Novembre” (“сегодня я узнал, что наш батальон малыми частями начнет двигаться вперед в ноябре”); ‘Письмо к Б. М. Рунт от 19 сентября 1914 г.’, там же, Л. 2.
- 66 См. его письмо к И. М. Брюсовой, приведенное в: С. Киссин (Муни), *Легкое бремя. Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем*, с. 251.
- 67 Входит в незаконченную и неизданную книгу *Под лучом прожектора* (РГБ. Ф. 708. Карт. 2. Ед. хр. 5).
- 68 С. Киссин (Муни), *Легкое бремя. Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем*, с. 251.
- 69 Приведенные в этой фразе сведения агрегированы из писем А. Я. Брюсова к В. Я., И. М., М. А. и Н. Я. Брюсовым (РГБ. Ф. 386. Карт. 78. Ед. хр. 20; РГБ. Ф. 386. Карт. 144. Ед. хр. 49; РГБ. Ф. 386. Карт. 144. Ед. хр.

50; РГБ. Ф. 386. Карт. 144. Ед. хр. 51; РГБ. Ф. 708. Карт. 5. Ед. хр. 5; РГБ. Ф. 708. Карт. 5. Ед. хр. 7).

70 “А вот С. А. Соколов (он находится в лагере Гютерсло) прислал мне сюда открытку, где пишет, что уже более полугода не имеет ни одного известия из России” (Письмо к Н. Я. Брюсовой от 13/16 июля 1918 г., РГБ. Ф. 708. Карт. 5. Ед. хр. 7. Л. 14).

71 Письмо к В. Я. Брюсову от 31 октября 1918 г. (РГБ. Ф. 386. Карт. 78. Ед. хр. 20. Л. 18 об.).

72 РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 111-111 об.

73 ‘Письмо Б. А. Садовскому от 24 марта 1919 г.’, В. Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, сс. 412-413. Поселился Александр Яковлевич вместе с сестрами Надеждой и Лидией: “Недалеко от меня, в Могильцевском переулке, в старом полуразрушенном особняке живут сестры Брюсовы, Надежда Яковлевна и Лидия Яковлевна, а также их брат Александр Яковлевич. Что-то я давно не был у них. Последний вечер был шумным и людным. Была Бронислава Матвеевна, сестра Жанны Матвеевны. Очень некрасивая. Прощаясь с нею, Ходасевич сказал: ‘целую вас’, потом сделал паузу и прибавил ‘мысленно, конечно’” (К. Локс, ‘Повесть об одном десятилетии (1907-1917)’. Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова’, *Минувшее. Исторический альманах*, т. 15, Москва-Санкт-Петербург, с. 144).

74 Об этом подробно рассказано в ее воспоминаниях: *Современники о Владиславе Ходасевиче*, с. 32.

75 Трехлетняя карьера А. Я. Брюсова в Красной Армии восстанавливается по удостоверениям-эфемеридам, сохранившимся в его архиве: “[...] состоит на действительной военной службе в Радиоотделе Управления Связи Красной Армии” (14 апреля 1920); “Помощник начальника информационно-учебно-опытной Радиотелефонной Бригады” (1 марта 1922); “Помощник Начальника информационной части 9-го Отдельного Радиотелеграфного Батальона” (19 октября 1923; РГБ. Ф. 708. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1-5).

76 См. мемуарный очерк Ходасевича ‘Книжная палата’ (*Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, сс. 229-240).

77 Письмо к А. И. Ходасевич от 6 октября 1921 г., РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 4 об. Жена А. Я. Брюсова – Серафима Семеновна Брюсова (1895-1958) – первая женщина-профессор-нейрохирург в Советском Союзе (о ней см.: Л. Н. Вербова, ‘Женщины в нейрохирургии’, *Український нейрохірургічний журнал*, 2011, № 1, с. 77; А. N. Kononov, ‘Russian Women in Neurosurgery’, *Women’s Neurosurgical Association of Japan*, 2009, Vol. 39, сс. 1-4). Известное нам ее участие в литературе ограничивается членством в Кружке памяти В. Я. Брюсова (см.: Н. Ашукин, ‘Заметки о виденном и слышанном. 1914-1933. Публ. и комм. Е. А. Муравьевой’, *Новое литературное обозрение*, № 38, 1999, с. 203). Согласно данным анкеты, она развелась с А. Я. Брюсовым в 1930 г. (РГБ. Ф. 708.

Карт. 1. Ед. хр. 12. Л. 1), чему противоречит появление ее в мемуарном отрывке о первом дне войны:

Я был готов к выезду через несколько дней на раскопки в Вологодскую область, а моя жена, Серафима Семеновна, должна была завтра выехать вместе с маленьким нашим сыном, Борисом, в Одессу для лечения грязями. За день до ее отъезда я поехал на дачу к своему шурину, архитектору Б. С. Сидорову, у которого в то время жил наш сын. Все казалось хорошо налаженным и никто из нас не ожидал, что произойдет через несколько часов. Как громом поразило нас переданное по радио известие о вероломном нападении гитлеровцев на нашу Родину.
(РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 13. Л. 1)

В архиве А. И. Ходасевич сохранилось принадлежащее, вероятно, ее перу письмо от 13 августа 1935, подписанное “С. Брюсова” (РГБ. Ф. 627. Карт. 28. Ед. хр. 47). Последняя жена Брюсова – искусствовед и реставратор Вера Григорьевна Брюсова (1917-?). Матрена Александровна Брюсова (урожденная Бакулина, 1846-1920) – мать Александра, Валерия, Надежды, Евгении и Лидии Яковлевичей.

78

С. Киссин (Муни), *Легкое бремя. Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем*, с. 227.

ПЕРЕПИСКА А. Я. БРЮСОВА И В. Ф. ХОДАСЕВИЧА
(THE CORRESPONDENCE OF A.IA. BRIUSOV
AND V.F. KHODASEVICH)

А. Л. СОБОЛЕВ (ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ)
(A.L. SOBOLEV – EDITING AND NOTES)

Abstract

The present publication comprises the complete collection of the extant correspondence of Vladislav Khodasevich and his secondary-school mate, as well as literary companion, Aleksandr Briusov, younger brother of the famous poet. See the preceding article in this volume for more background information.

Keywords: *V.F. Khodasevich; A.Ia. Briusov; A.I. Chulkova*

1. *А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу*
15 декабря 1904. Тульская губерния.

15/ХП

Дорогой Владислав

Пишу тебе, как обещал. Стихи есть, но мало, только два, оба написаны здесь, в Антоновке, и в один день. Вот они оба.

Воскресенье! Возрождение в счастье и любви.
Нет! Былого, прожитого к жизни не зови!

Обновлень! Возрождень! Новые мечты.
 Счастье, счастье, упоенье!
 В мире я и ты.
 Воскресенье. Возрожденье. В мире только мы
 Прочь сомненье, опасенье, слуги черной тьмы!
 Мы с тобою, мы с тобою! Все забудь, забудь!
 Смейся, смейся над судьбою! Вольно дышит грудь.
 Воскресенье! Обновлень. Снова счастлив я.
 Опьяненье, упоенье. Ты моя, моя!

А вот второе, совсем в другом роде. Называется оно “Призраки”.

Есть духи демоны, созданы впечатленья,
 Мгновенные приспешники мечты.
 Они куют тревоги и сомненья,
 Они плетут невидимые звенья,
 И с ними вечно, всюду ты.

Они опутывают ложью;
 Они, как марево, горят;
 Они пронизывают дрожью,
 Они приводят к бездорожью
 И в жизнь мешают тонкий яд.

Ты опьянен сплетенным дымом,
 Спешу к намеченной мечте,
 Но то, что было исполнимым,
 То стало призрачным и мнимым,
 Его черты – уже не те.

Напрасно ловишь тень, мелькая,
 Она скользит, – и новый бред! –
 Зовет и манит, увлекая,
 Казалось, близко счастье рая,
 Но миг... И вновь миража нет.

Сам сознаю недостатки и того и другого, но отделять *нехочется*¹ (пишу *нарочно* вместе в параллель глаголу нельзя), да и неудобно: живем мы, – я и один товарищ,² – в сторожке у сторожа, две комнаты и кухня, очевидно никуда деваться нельзя, чтобы работать в одиночестве, но не унываю. Думаю, что в Москве обработаю все, что здесь напишу.

Если будешь писать, – надеюсь напишешь, хоть несколько строчек, – то пришли то, что есть новенького, думаю, что написал что-нибудь.

Если будешь писать “хорошему мальчику” (конечно Жоржу),³ то напхни и ему написать мне. Буду очень благодарен.

Сижу здесь без газет, даже в городе не продают! Чорт знает что такое. Как только ты выносишь, не читая газет, не зная, что, где и как?

Сегодня едва не замерз. Мороз свыше 25°, а мне пришлось ехать за 7 верст по полю. Едва оттер лицо.

Прости, что пишу эпизоды из здоровой жизни, но здесь нет ничего под руками; ни книг, ни журналов, ни людей не здоровых. Только и спасаюсь, читая Л. Толстого, – хорошо, что захватил. Думал заниматься лекциями. Взял Троицкого (Логика), Брандта (старо-церковно-славянский) и Виппера (История Греции), ничего.⁴ Думал переписать Любавского (записки по рус. Ист.)⁵ – ничего! Думал заняться итальянским – ничего! Думал читать английских поэтов в подлиннике – ничего! Только и делаю, что шатаюсь по лесу да по Оке (она почти замерзла). Гляжу, как мой спутник бьет уток, сам <ж>е стрелял в цель – ничего, попадаю редко, хотя к этому ружью и не привык.

Расписался я здорово, да делать по вечерам нечего, вот и пишу. Прости если неразборчиво и скучно.

Как идет альманах Грифа.⁶ Вышел ли и если вышел, то когда. Если тебе не трудно, то перепиши кстати (прости за слово)⁷ твое стихотворение, которое должно было быть в нем.

Если есть еще какие журнальные, газетные или книжные новости, то напиши, пожалуйста.

Может быть знаешь что-нибудь об университетской истории, тоже сообщи.⁸

Боюсь, что надоел и потому кончаю.

А. Брюсов

Год проставлен по контексту.

2. А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу
 Конец декабря 1904-начало января 1905. Москва.

Вот я и в Москве. Приехал 25-го и тотчас узнал самые неутешительные новости. Говорят, что университет будет закрыт все второе полугодие. Удружили! Этого я никак не ожидал.⁹

Вести с дальнего востока еще неутешительнее, но ты, кажется, ими не интересуешься вовсе. Однако есть и такие, которые будут любопытны для тебя.

Немецкие газеты пишут, что Вильгельм предлагал Николаю взорвать П. Артур до основания, когда еще был цел флот, посадить на него всех жителей и прорваться через японскую эскадру, если будет это возможно; во всяком случае хуже того, что произошло, не было бы. Николай отказался. Куропаткин просил Стесселя продержаться всего месяц, после которого он обещал освободить П. Артур, но...¹⁰

Еще менее утешительно в литературе. Пшибышевский прислал в Скорпион письмо (*по русски!*), где он сообщает, что сам по русски ничего не понимает (!), а письмо (первое, помещенное в печати) написано Высоцким, что слов “разбой на большой дороге” он не говорил, что исключительного права на перевод *никому* не давал, что все зависит от платы, а плата зависит от *честности* издателей. Хорошо?¹¹

Скорпионы хотят перевести это письмо на польский язык и послать его назад Пш<ибышевскому> спросить то ли он теперь сообщил, что хотел, или опять будет отговариваться незнанием русского яз<ыка>.

“Руси” запрещена розничная продажа издания.¹²

Видишь какие новости.

Даже погода была отчаянная. В Тульской губ., где мы были, доходило до 37 ниже нуля. Дыханье перехватывало с первых шагов на воздухе.

Как то у вас в Петербурге было. Что нового. Да... Изадора (а не Айседора) Дункан (Isadora Dulkan<sic>)¹³ приезжает в Москву в январе и мы тоже увидим ее...

У меня есть много нового, но лень писать; приедешь – покажу.

Хотя ты и обещал написать мне, но так и не сдержал слова. Может быть найдешь время и напишешь хоть в Москву.

Поклон Марине Эрастовне¹⁴.

А. Брюсов

Датируется по содержанию.

3. А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу
Середина июня 1905. Акулово.

Ну, Владислав, переехал я на дачу в Акулово,¹⁵ поэтому не успел за хлопотами по перевозке написать тебе раньше. Теперь уже пишу обстоятельнее (прости, что на такой бумаге, почтовую забыл в Москве). Приехав, набросился я на книги, признаюсь, удивлен: Нижегородский сборник – плох,¹⁶ газеты (оставшиеся в живых) – ниже критики, хорошие газеты – поголовно запрещены.¹⁷ Перечел Альманах (Сев<ерные> цв<еты>)¹⁸ – Иванова совсем не могу понять. Валерий понравился меньше, чем до отъезда, или, вернее, совсем не понравился. Проза – ни к чорту. Бог знает что. Прочел в первый раз “Пана” – не вполне хорошо.¹⁹ Вопросы жизни (июнь) – гадость.²⁰ Вообще от литературы прихожу в отчаяние, с отчаяния и принялся за Эдгара По в подлиннике.

Посылаю тебе стихи. Знаю, что плохи, но не могу собраться отделать (там такое, кое-где слова вставлены наспех, какие придется, вообще писал я это в дороге и начисто). Спасибо за приглашение. Приеду я только не ранее 15. Во всяком случае еще споемся.

Письма твои оба получил и третье в Москве.

Поклон М. Э.

А. Брюсов

P.S. Прости за воровство солнца – знакомца.²¹

Как кольца цепи бесконечной,
Как ряд испуганных теней,
Идут, дрожа, в тревоге вечной
Войска невольные людей.
Им не дано успокоенья:
Безмерно длинную толпой
Влачатся в смене поколений
За ускользящей мечтой

Играя в царства, мир и войны,
Они не видят – замкнут круг,
И лишь часами беспокойно
В них просыпается испуг.
Тогда душе ожившей внятен
Гул набегающих часов.
Но смысл пророчеств непонятен
Для долго скованных рабов.
Им что-то шепчет близко, близко
Конец томительных времен,
Но светом огненного диска
Глаз непривычно ослеплен.
“Идти навстречу? Страшен, страшен
Гигант-Сварожич впереди.
Туда, туда, где свет погашен
Скорей туда! иди! иди!
Мы не привыкли к свету солнца,
Оно сожжет, испепелит!
Пойдемте к старому знакомцу
В прохладу серых, скользких плит.
Пойдемте к старой жизни в кручах,
К холодным ласкам одалиск...
Из-за горы, прорезав тучи,
Горит громадный красный диск!”

Неумолимый рок влечет к желанной цели
Но рушатся мечты о ряд немых преград.
И каждый миг и час от самой колыбели
Вдыхаю я в себя щемящий сердце яд.

И каждый новый час и каждое мгновенье
Дороги спутников расходятся с моей.
И вновь растет в душе бывшее убежденье
Что скоро я один пойду среди степей.
И жду теперь, когда приду на берег крайний
И встречу солнца луч в начальной чистоте,
И, скрытые теперь, мне явны будут тайны
И подойду в упор я к избранной мечте.

4. В. Ф. Ходасевич – А. Я. Брюсову
26 июня 1905. Лидино.

Лидино, 26.VI.05

Дорогой Саша!

Не знаю твоего акулковского адреса. Пишу в Москву. Думаю, – перешлют. Очень рад буду видеть тебя. Сообщи только тогда заранее точно день и поезд.

Напрасно ты так огорчаешься о литературе. Газеты – не искусство, Нижегородский сборник – хуже всякой газеты.²² Относительно В. Иванова для меня давно решен вопрос о его праве на существование. Терпению и труду не всегда удается перетереть искусство.²³ Что же касается твоего брата, как он представлен в Сев. Цв., – мне кажется, – ты не прав. Стихи его очень хороши, как всегда. *Драма – изумительна.* Впрочем, я с ним (пока – *между нами*) – затеваю полемику, вне чистой литературы. Как и что – объяснять долго, но советую тебе прочесть в № 4 Весов его заметку о Литургии Красоты,²⁴ а после, когда выйдет № 5 Искусства – в нем мою заметку о том же.²⁵ Но пока – прошу *никому ничего* об этом не говорить. На тебя полагаюсь.

Посылаю некоторые стихи. Не все, написанные за это время. Впрочем, последние дни я их не пишу, ибо начал еретическую драму, которая должна быть закончена, не в пример другим моим начинаниям.²⁶ Надеюсь прочесть тебе ее в необработанном виде, когда приедешь.

I. У людей.

О, как мне скучно, скучно, скучно!
Как неустанна суета!
Как всё вокруг спешит докучно
И бредит сонная мечта.
Как будто кто-то, грозный темный,
Крылами навевает жар...
В провалах мысли исступленной
Горит невидимый пожар.

Я не хочу сгорать незримо!
Незримый жар стократ страшней,
Чем тот, что мчит неугасимо
Безумства блещущих огней...

О нет, спасите! К краю кубка
 Припасть устами... Пью! Мое!..
 Опять измена!.. Уксус, губка —
 И ненавистное копьё!..

15 мая.

II. *Deo Ignoto*

O mon Dieu, votre crainte m'a frappé.
P. Verlaine

О, Творец ослепшей жизни,
 Погрузивший нас во мглу,
 В пир рожденья и на тризне
 Я пою Тебе хвалу.

Неизведанный губитель
 Вечно трепетных сердец,
 Добрый пастырь, правый мститель,
 Ты – убийца, Ты – отец.

Если правда станет ложью,
 Бог, тебя я восхваляю
 И молитвы смутной дрожью
 Жажду сердца утоляю.

О, поставь слепую душу
 На таинственный рубеж!
 Я смиренья не нарушу,
 Погуби – или утешь.
 Был я робок и опаслив,
 Но на радостной заре
 Буду светел, буду счастлив
 Жертвой пасть на алтаре!

17 мая

III. *Диск*

Чело в лучах и члены гибки...
 Бросаю в воздух звонкий диск.
 Кружась, летит, и блески зыбки.
 В струях зефира – свист и визг.

Смотрю: взметнулись в синем небе
Два солнца: диск и Аполлон.
Я посвящаю юной Гебе
Размах руки и меди звон.

Взлетел. Дрожит. Сейчас сорвется.
И вот – упал к моим ногам.
Еще удар – опять взовьется
Навстречу блещущим лучам.

23 мая

IV. * * *

Ухожу. На сердце – холод млеющий;
Высохла последняя слеза.
Дверь закрылась. Злобен ветер веющий,
Смотрит ночь беззвездная в глаза.

Ухожу. Пойду немymi странами.
Знаю: на пути – не обернусь.
Жизнь зовет последними обманами.
Больше нет соблазнов. – Не вернусь.

23 мая

V. *Жизнь – полководец*

Marche funèbre

Тяжки шаги моих солдат.
Мерно идет за рядом ряд.

Едкая пыль... “Вперед! Вперед!”
Каждый из вас убьет, умрет.

Гром барабанов. Стук костей.
Жизнь неустанна... “Марш, смелей!”

Пройдены версты. Смерть не ждет.
Призрак возник... “Вперед! Вперед!”

Верны шаги слепых солдат.
К смерти идет за рядом ряд.

24 мая

Все; извиняюсь за рифму: темный – исступленной. Вольность. Из твоих стихов мне больше нравится 2. Пока – прощай.

М. Э. благодарит за память и шлет привет с приглашением.

Сообщи свой дачный адрес.

Твой В. Ходасевич.

P.S. Что скажешь о стихах.

5. А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу

20 июня 1907. Симбирск.

Волга 20.VI.1907

Дорогой Владислав, ты наверное изумишься получив мою телеграмму раньше этого письма.

Убедительно прошу тебя (думаю это возможно) выслать мне в Астрахань рублей 300 из долга.²⁷ Если не сможешь, то телеграфируй: может бы<ть> успеешь к 27 июня выслать в Новороссийск (почтамт до востреб<ования>) или к 29 в Севастополь (тоже почт. до вост.). А то я сяду на мели без денег. Привет всем. Alexander

Открытка. П.ш. Симбирск (20.6.07), Бологое (25.6.07).

Адрес: Николаевская ж.д. Ст. Бологое. Имение Лидино.

6. А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу
7 февраля 1908. Батуми.

7/20 февр. 1908

Привет Владиславу, живущему в “Новом Париже”²⁸ от Alexander’a, живущего в старой “Франции”.²⁹

Совершенно незаметно прошло уже более недели, как я выехал из Москвы. Время года перемещалось мало по малу и дошло до весны; теперь остается ждать Марта, когда для меня наступит лето.

“Так день за днем по бездорожью,

В мгновенной смене стран и лиц”.³⁰

двигаюсь я по меридианам и параллелям.

Странное чувство является в дороге. Кажется, что все оставшееся позади было только длинной лентой Кинтопа (перемена еженедельно).³¹ Не знаю, как другие, а я в дороге всегда испытываю ощущение слитости с окружающим, *действительно* живу, а сидя в Москве, чувствую себя зрителем в гигантском кинематографе. Правда, изредка видишь в числе посетителей знакомого, здороваешься, обмениваешься несколькими фразами, но вот снова звонок, лампочки гаснут, новое неустанное слежение за картиной, и часто в новом антракте уже не видишь случайно встретившегося знакомого “скопофонщика”;³² он вышел из залы.

Прости за лирические излияния. С утра занимался долбежкой арабского склонения и теперь в ожидании обеда чувствую желудочную потребность поговорить “хорошими словами”.

Как дела московских “пассажиров” (объяснения слова требуй у Муни)?³³ Зашел сегодня на почту, но не нашел ни одного письма, а хотелось бы знать, что происходит с моей “распутицей”, по которой я семь верст киселя хлебал.³⁴ Напиши хоть ты (Батум, гостиница “Франция”, мне).

Когда выйдет “Юность”, то есть “Молодость”. Ей-Богу, перемены название,³⁵ уж очень неприлично выходит, хуже курьей тропы.³⁶

Пока всего лучшего, приветствую всех.

Alexander

Батум

7. А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу
12-14 февраля 1908. Батуми.

12/25 II 1908 Батум

Владислав,
посылаю тебе два стих<отворения>; если будет у тебя
время, напиши, что ты о них мыслишь.

1.

Еще один отвержен день,
Еще один – бесследно минут.
Часы бегут. Мой жребий вынут,
И жизнь мою в глухую тень,
Как хлам ненужный, боги кинут.

Как страшен сон небытия!
Единый раз, лишь на мгновенье.
О темный призрак откровенья
Коснулся смерти острия
И с криком снова встретил день я

Порвалось тесное кольцо.
О нет, то не было ошибкой!
Я встретил смерть на грани зыбкой;
Она впилась лицом в лицо
И подмигнула мне с улыбкой.

II.

В сердце мучительность пытки
Прежней тоскою зажглась.
Жду я тебя у калитки,
Жду я в назначенный час.

Скрипнули тихо ступени,
Дрогнул проснувшийся гад.

Тени! Вечерние тени!
Темные дали оград!

Сон убегающей ночи.
“О, говори, говори!
Бледные тени короче,
Вестники близкой зари!”

Пишите почаще из Москвы. А то ни один тип ни звука.
Просто досадно становится.

Пока что практикуюсь здесь на биллиарде. Здесь недурной
биллиард в общественном собрании.³⁷ Надеюсь по приезде
обыгрывать и тебя и Ефимка,³⁸ ибо играю каждый день, и
уже нередки случаи, когда кладу от двух бортов.

Приветствую всех.
Жду писем.

Alexander

Адр. Батум. Гостин. “Франция”. А. Брюсову

14/27 ф. 1908

Так как еще не отослал письма, то приписываю еще 3-е стих.
Далекий призрак минарета.
И силуэты тополей.
В окно втекают волны света,
Зеленый отблеск фонарей.
И в этот вечер, грусти вторя,
Ты снова ждешь. О, верь же, верь!
Шаги услышишь в коридоре
И тихо, тихо скрипнет дверь.
Любовь раскинет длинный свиток
Ненужных, милых, быстрых слов;
И будешь жадно пить напиток
Любовных тихих, тихих снов.
А утром, приподнявши штору,
Лучами комнату зажги.
И прозвучат по коридору
Стихая медленно, шаги.

Alexander

8. А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу
9/22 ноября 1910. Берлин.

22 ноября 1910 г. Берлин.

“Noi siamo seduti”³⁹ и ждем поезда. Сегодня вечером “в порядке исключительной скорости”⁴⁰ будем в Париже. Делать до поезда нечего, поэтому пишу тебе малороссийское письмо. Извиняюсь за это письмо и подписуюсь

Алекс. Брюсов

Открытка. Berlin. Palais Kaiser Wilhelm I.
П.ш. Берлин <нрзб>; Москва (30.11.10).
Адрес: Москва. Балчуг. Ново-Моск. Подворье. В. Ф. Ходасевичу.

9. А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу
14/29 декабря 1910. Каир.

29 декабря 1910

Пан Владислав!

Только что исполнил я твой совет и послал Муни “цвет дальней пустыни”.⁴¹ Теперь исполняю свою вторую обязанность и пишу тебе двустиише из “Г. от У.”:

“Муж мальчик, муж слуга из жениных пажей –
Высокий идеал московских всех мужей”.

А исполнив обе свои обязанности могу почить от трудов своих.

Скажи Жене Муратовой, что перо ей купили и привезем, а кстати кланяйся ей.⁴²

Нюра просит написать, что она целует тебя и жаждет сыграть в “препиранец”⁴³ (о Малороссия!).

Узнай, как идет “Сема”⁴⁴ и если были (вещь это невероятная!) рецензии, то набери и для меня коллекцию <?>.

В Москву мы приедем перед Татьяниным днем, числа 8-9, и пойдем справлять Татьяну;⁴⁵ надеюсь, что ты присоединишься и следовательно пусть этот день будет у тебя занят нами; тащи и Муни.

Если не лень, напиши письмецо в Константинополь, адресуя его на пароход русского Общества Пароходства и торговли.

Прощай

Alexander

На бланке: The National Hotel. Cairo.

10. *А. Я. Брюсов – В. Ф. Ходасевичу*
24 июня/7 июля 1911. Париж.

7/VII 1911 Paris

Приветствую переселенца в Италию! Вот уже три дня, как мы находимся в Париже. Никакой разницы с Москвой не замечаю – те же лица (Чулковы, Савиничи⁴⁶ и пр., и пр.), вместо Грека⁴⁷ – кафе Паскаль,⁴⁸ вместо русского биллиарда – карамболь. Последнее время даже погода стала московской – 40°.

Никаких новостей нет, – у нас, по крайней мере. Главная новость (если <это> можно назвать новостью) то, что я осенью буду отбывать воинскую повинность в Серпухове, а Нюра по делам (не наверное, а только вероятно) останется в Париже до Рождества. Однако сообщать еще что-либо не намерен, пока ты сам не напишешь чего-нибудь. Теперь мы с тобой в одинаковых положениях, за границей, и ты не можешь ссылаться на то, что уехавшему труднее писать, чем оставшемуся дома.

Пиши Paris. Rue M-eur le Prince. 63

Привет твоей спутнице.

А. Брюсов

11. *В. Ф. Ходасевич – А. Я. Брюсову, А. И. Брюсовой*
29 июня/12 июля 1911. Флоренция.

Дети! Я во Флоренции, один, к<a>к перст. Женя вам кланяется.⁴⁹ Она уехала в Россию, танцовать. Завтра утром буду в Венеции, где проживу целых 3 недели, не меньше. Если

Нюра останется в Париже – Алдр, приезжай за мной: вместе поедem в третий Рим. Ну-ка, покажи прыть! А то приезжайте оба: возле Риальто есть чудесные кабачки, где можно играть в преферанс. Кроме того – я вас люблю, вы меня: почему же нам не быть счастливыми? Пришлю вам Венец<ианский> свой адрес, а пока пишете *poste restante*.

Целую вас нежно. Сколько я стихов написал! Боже мой!

Владислав.

Флоренция, 12, 7, 911

Открытка (Firenze. Palazzo Reale (Pitti)). Адрес: Francia. Parigi. France. Paris. Rue M^{eur} le Prince, 63. A Mr. George Tchoulcoff pour Mr. A. Brussoff. П.ш. нет.⁵⁰

12. *В. Ф. Ходасевич – А. Я. Брюсову, А. И. Брюсовой*
9/22 июля 1911. Венеция.

Venezia, 22/7 911

Бесстыдники!

Что же вы ничего не пишете? Алдр, это не благородно! Нюрка, ты мне изменяешь? Я пробуду здесь до 13 августа по новому стилю. Пишите, телеграфируйте, приезжайте, – все что хотите, – но не исчезайте с горизонта. Мой адрес: V., Rio Terrà degli Assassini, № 3692A.

Владислав.

Открытка (Venezia. Ponte di Rialto). Адрес: Francia. Parigi. France. Paris. Rue M^{eur} le Prince, 63. A Mr. George Tchoulcoff pour Mr. Alexander Brussoff. П.ш. Венеция (23.7.1911)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее курсивом передается подчеркивание в оригинале.
- ² Личность спутника установить не удалось.
- ³ Подразумевается Георгий Леонидович Малицкий (1886-1953), одно-классник, друг и корреспондент Брюсова и Ходасевича; библиограф (см. сделанный им обзор: Г. Малицкий, 'Библиографические справочники по музейному делу', *Казанский музейный вестник*, 1922, № 1, сс. 47-54); архивист (автор кропотливого описания: Г. Л. Малицкий, В. Н. Щепкин, *Рукописи Эллидифора Васильевича Барсова*, Москва, 1915; отдельный оттиск из Отчета Российского исторического музея за 1914 г.); этнограф (Г. Малицкий, *Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства* [В росписи и резьбе]. С 25 рисунками, Казань, 1923); поэт (единственное разысканное стихотворение: *Круговая чаша. Русская поэзия "Серебряного века"*. Антология, т. 6, Рудня-Смоленск, 2008, с. 248); впоследствии ученый секретарь Московского исторического музея, музеевед; приятель В. К. Шилейко (ср. регулярные его появления в эпистоляррии последнего: В. Шилейко, *Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы*, Москва, 2003).
- ⁴ Имеются в виду книги: М. М. Троицкий, *Учебник логики с подробными указаниями из истории и современное состояние этой науки в России и в других странах* (Москва, 1886; менее вероятно, чтобы это было литографированное издание лекций "Логика" [Москва, <1884>] того же автора); Р. Ф. Брандт, *Старо-церковная грамматика*, Москва, <1901> (или одно из предшествовавших изданий); Р. Ю. Виппер, *Лекции по истории Греции*, ч. 1, Москва, 1905.
- ⁵ Вероятно, подразумеваются конспекты лекций Матвея Кузьмича Любавского (1860-1936), поскольку первое издание его обзорного курса по русской истории появилось только в 1911 году.
- ⁶ *Альманах книгоиздательства "Гриф"*, Москва, 1905.
- ⁷ В альманахе напечатаны три стихотворения Ходасевича: 'Зимние сумерки' ("Сумерки снежные. Дали туманные..."); 'Осенние сумерки' ("На город упали туманы..."); "Схватил я дымный факел свой...": его первое выступление в печати (у его корреспондента было к этому времени напечатано как минимум два стихотворения – в газете *Русский листок*).
- ⁸ Подразумеваются последствия студенческой сходки, состоявшейся в аудитории Физического факультета университета; среди прочего на ней было принято решение о прекращении занятий до Рождественских каникул (см.: В. И. Бовыкин, О. И. Латышева, 'Московский Университет в революции 1905-1907 годов', *Вопросы истории*, 1955, № 4, сс. 49-50; *Летопись Московского Университета*, Москва, 1979, с. 144).
- ⁹ Еще в декабре студентами-активистами было принято решение "прекратить занятия до конца рождественских каникул с тем, чтобы после них

установить дальнейший способ действий сообразно обстоятельствам” (цит. по: П. С. Гусятников, *Революционное студенческое движение в России. 1899-1907*, Москва, 1971, с. 136); 19 января 1905 г. Совет университета принял решение о временном закрытии университета (*Летопись Московского Университета*, Москва, 1979, с. 145).

10 Подразумеваются новости о сдаче крепости Порт-Артур; хронику событий см. в новейшем издании: *Из истории русско-японской войны 1904-1905 гг.*, т. 1, *Порт-Артур; Сборник документов*, Москва, 2008, сс. 374-388; там же – сведения о коменданте крепости Анатолии Михайловиче Стесселе (1848-1915) и военном министре Алексее Николаевиче Куропаткине (1848-1925).

11 Дискуссия по поводу авторских прав на русское издание Пшибышевского началась осенью 1904 года; первый ее этап зафиксирован в ноябрьском номере *Весы*:

Когда, в начале ноября, появился изданный г. В. Саблиным перевод романа Ст. Пшибышевского “Сыны Земли”, мы с удивлением увидели на книге помету “издание с разрешения автора”. Между тем еще в апреле этого года нами было приобретено у г. Троповского, переводчика этого романа и доверенного г. Пшибышевского, право на единственное разрешенное автором русское издание “Сынов Земли” с позволением даже выпустить книгу в свет до появления польского оригинала.

Далее приводится письмо Пшибышевского от 11 ноября:

Я поражен тем, что какой-то московский издатель объявил о полном собрании моих сочинений. Единственно, кто был у меня, это г. Высоцкий, которому я представил право издания моих поэм, – исключительно поэм. [...] В настоящее время я разрешаю издать мои драмы в единственно одобренном мною для общего издания переводе Ал. Вознесенского и всякое другое издание сочту разбоем на большой дороге, которого, я надеюсь, никто из честных издателей себе не позволит.
(‘Pro domo sua’, *Весы*, 1904, № 11, с. 73)

Продолжение спора см.: ‘От книгоиздательства “Скорпион”’, *Весы*, 1905, № 1, сс. 84-85. Владимир Алексеевич Высоцкий (по др. свед.: Александрович) – переводчик, по преимуществу с польского.

12 Подробности приостановки и возобновления издания петербургской газеты *Русь* отчасти восстанавливаются по библиографическому описанию комплекта: Л. Н. Беляева, М. К. Зиновьева, М. М. Никифоров, *Библиография периодических изданий России. 1901-1916*, под общей редакцией В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского, т. 3, Ленинград, 1960, с. 90.

- 13 Выступления Айседоры Дункан в Москве состоялись в январе 1905 г.; см.: *Айседора: гастроль в России*, Москва, 1992, сс. 84-87, 381-385.
- 14 Марина Эрастовна Рындина (1887 [по др. свед.: 1886] – 1973) – первая жена Ходасевича; впоследствии (с 1910 до 1925 г.) жена С. К. Маковского.
- 15 Акулово – дачная местность на северо-восток от Москвы.
- 16 *Нижегородский сборник* (Санкт-Петербург, 1905) был составлен по преимуществу из произведений авторов либерального направления (аннотацию см.: О. Д. Голубева, *Литературно-художественные альманахи и сборники. 1900-1911 годы*, Москва, 1957, с. 72). См. также прим. 21 к письму 4.
- 17 Ср. сделанное современником описание состояния периодической печати в середине 1905 года: “Была запрещена розничная продажа: ‘Русских Ведомостей’, ‘Руси’, ‘Вечерней почты’, ‘Русского Слова’, ‘Новостей’ и ‘Слова’. Сделаны были предостережения в первый раз: ‘Вечерней Почте’, ‘Новостям’, ‘Русским Ведомостям’ и ‘Русскому Слову’; во второй раз ‘Нашей Жизни’ и в третий раз, с приостановкой издания на 3 месяца ‘Нашим Дням’ и ‘Нашей Жизни’. Приостановлены были: ‘Новости’ (на 2 месяца), ‘Русь’, ‘Вечерняя Почта’, ‘Слово’ и ‘Русское Дело’ (на 1 месяц)” (Е. А. Валле-де-Барр, “*Свобода*” русской печати. (После 1 октября 1905 г.), Самара, 1906, сс. 5-6).
- 18 *Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства “Скорпион”*, Москва, 1905. Среди прочего там помещены упомянутые далее циклы стихов В. Я. Брюсова и Вяч. Иванова, а также их трагедии – *Земля* первого и *Тантал* последнего.
- 19 Роман Кнута Гамсуна. Для Брюсова логичнее было бы воспользоваться изданием: К. Гамсун, *Пан. Из записок лейтенанта Томаса Глана*, предисл. К. Д. Бальмонта, перев. с норвежск. С. А. Полякова, Москва, “Скорпион”, 1901.
- 20 В июньском номере журнала *Вопросы жизни* помещены продолжение романа Ремизова *Пруд*, начало *Мелкого беса* Сологуба, рассказы Мирэ и Лундберга, фрагмент ‘Эллинской религии страдающего бога’ Вяч. Иванова, стихи Блока, С. Соловьева, В. Пяста, Вяч. Иванова и др.
- 21 Ни в одном из стихотворений Ходасевича, написанных до 1905 года включительно, подобной рифмопары не обнаружено.
- 22 Отрицательный отзыв Ходасевича на *Нижегородский сборник* был напечатан в журнале *Искусство*, 1905, № 5/7, с. 171.
- 23 Эволюция взаимоотношений Ходасевича и Вяч. Иванова описана в: Н. А. Богомолов, *Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче*, Москва, 2011, сс. 144-152.
- 24 В. Брюсов, [Рец. на:] ‘К. Бальмонт. Собрание стихов, т. 1...’, Книгоиздательство “Скорпион”, Москва, 1905, ц. 2 р.’; ‘К. Бальмонт, Литургия красоты. Стихийные гимны. Книгоиздательство “Гриф”’, Москва, 1905, ц. 2 р.’, *Весы*, 1905, № 4, сс. 50-52. Центральная идея рецензии:

Трагедия Бальмонта в том, что его юношеское бессознательное мирозерцание не изменилось и не могло измениться; его детские, глубоко заложенные в душе верования были даны ему на всю жизнь; но сознательность увлекла его к идеалам прямо противоположным. Бальмонт рожден, чтоб жить под Северным небом, чтоб видеть божественное лишь в сопутствии скорби, но современность подсказала ему гимны Огню и Солнцу, прославления Смерти и Ужаса, навязала ему героем Художника-Дьявола. [...] Силой своего стихийного дарования Бальмонт до известной степени торжествовал в этой борьбе против самого себя, он насильно вырвал у своей поэзии несвойственные ей звуки надменных ликований; эта борьба психологически глубока и замечательна, но никогда преувеличенно опьяненные гимны Бальмонта и его всегда несколько риторические проклятия не достигнут той же художественной высоты, как его грустные признания и тихие жалобы. (с. 51)

- 25 Именно этот пункт был оспорен Ходасевичем. В рецензии Ходасевич, полемизируя с неназванным Брюсовым (“Бальмонту тшатася указать его ‘истинные’ пути, хотят вернуть его к ‘нежным напевам’, заставить, как эльфа, качаться на ветке ‘сиреневого куста’”), называет *Литургию красоты* вершиной творчества Бальмонта:

Здесь нет уже отдельных звуков плача, отрывистых приступов больного отчаяния, нет восхитительной озаренности “восторгов и падений”, – и снова печали, и снова грустной задумчивости. Здесь все эти основные мотивы творчества Бальмонта, раньше то приходившие, то вновь удалявшиеся, сливаются в одну изумительную по стройности симфонию; мало уже заметны так любимые им “измены”, когда один порыв почти бесследно вытеснял другой.

В “Литургии Красоты” каждая струна звучит в совершенной гармонии со всеми другими, ни на мгновение не прекращая своих колебаний. (*Искусство*, 1905, № 5/7, с. 165)

- 26 Следы этого замысла не сохранились.
- 27 Ввиду оживленности движения по Волге на участке между Нижним Новгородом и Астраханью, мы не можем точно установить название парохода, на котором плыл А. Брюсов. 20 июня 1907 г. падало на среду, а в этот день в Симбирске швартовался и пароход фирмы “Кавказ и Меркурий”, и общества “Надежда”. Дорога от Симбирска до Астрахани занимала 2-3 дня. См.: *Вся Волга. Коммерческий справочник и общий адрес-календарь*, Казань, 1907, с. 100.
- 28 Меблированные комнаты “Новый Париж” (Леонтьевский пер., д. 16), где одно время жил Ходасевич.

- 29 Гостиница располагалась по адресу: Михайловская ул., д. 8. В рекламном проспекте сказано: “В самой центральной части района торговых-промышленных предприятий, правительственных учреждений, пароходных пристаней и приморского бульвара. Гостиница обставлена полным комфортом. Номера ценою от 1 руб. и дороже. При гостинице имеется ванна и роскошный ресторан, снабженный лучшими Европейскими и Азиатскими кушаньями” (*Батум и его окрестности в описании И. А. Веру*, Батум, 1910, сс. 73-74). Ср.: “Обычно после пристани папа заводил нас в набережную гостиницу, лучшую в городе; ее держал один француз и дал ей сладостное слуху моему имя ‘Франция’. Гостиница ‘Франция’ – ‘Отель де Франс’ – значилось на вывеске. Мне казалось, Франция есть предел утонченности и культурной остроты; во Франции все элегантно, все выдержано, и значительнее языка французского быть ничего не может, в противоположность немецкому, который я презирал, и Германии, о которой слышать не хотел. [...] Перед этой гостиницей, на широчайшей асфальтовой террасе, под парусиновым навесом, среди кадок с апельсиновыми деревьями и ящиков с вьющимися растениями, стояли столики, прямо на улице. Мы присаживались туда, а папа заказывал нам наших неизменно любимых креветок” (Священник Павел Флоренский, *Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание*, Москва, 1992, сс. 57-58).
- 30 Автоцитата: строки из стихотворения “Едва мелькнула мысль о чуде...” (Alexander < А. Я. Брюсов >, *По бездорожью. Стихи*, Москва, 1907, с. 9).
- 31 Малоупотребительное название синематографа (от немецкого “Kintopp”), пропагандируемое А. Койранским, слышавшим его в Берлине: “Кинтоп! Это слово понравилось мне. Это короче и звучнее парижского кинемо-хромо-фоно-мега-скопо-графа. Кинтоп! Вот прекрасное название! Рекомендую его вам” (А. Койранский, ‘Кинтоп’, *Наши понедельники*, 1907, 26 ноября, № 3, с. 5). “Перемена еженедельно” – регулярно встречающийся элемент кинорекламы, обозначающий тотальное обновление репертуара с указанной периодичностью.
- 32 Вероятно, “скопофон” – одно из неприжившихся названий для киноаппарата, см. в той же заметке А. Койранского: “Новый, усовершенствованный кинемо-хромо-фоно-мега-скопо-граф” (там же). Ср. название раннего рассказа Тэффи, посвященного неудаче с демонстрацией анимированных (вероятно) изображений: ‘В стерео-фото-кине-мато-скопо-био-фоно и проч.-графе’.
- 33 Этот пассаж остается непонятным.
- 34 Подразумевается сборник *По бездорожью*.
- 35 Ходасевич, как известно, не внял этому совету.
- 36 Намек неясен.
- 37 В архиве Брюсова сохранился билет для входа в Батумское общественное собрание, датированный 7 марта 1908 г. (РГБ. Ф. 708. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 7).

38 Возможно – Ефим Львович Янтареv (наст. фам. Бернштейн) (1880-1942), поэт и журналист, знакомый адресата и адресанта, но возможно, что речь идет о клубном маркере, личность которого мы установить не в силах.

39 Мы сидим (ит.)

40 Вероятно, аллюзия на делопроизводственный термин “в порядке исключительной срочности”.

41 Неточная цитата из стихотворения Е. А. Баратынского ‘При посылке “Бала” С. Э.’ (“Тебе ль, невинной и спокойной...”).

42 Евгения Владимировна Муратова (1884 или 1885-1981) – жена П. Муратова; близкая подруга Ходасевича. Ее биографию и сохранившиеся тексты см. в кн.: И. Андреева, *Неуловимое создание*, Москва, 2000. См. также: А. Устинов, ‘Венецианский роман Владислава Ходасевича’, *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*, Москва, 2010, сс. 92-117.

43 Т. е. преферанс.

44 Подразумевается книга: Сем Бенелли, *Ужин шуток: Драматическая поэма в 4 д.*, пер. Александра Брюсова, Москва, 1911, вышедшая в конце ноября 1910 года.

45 “Татьянин день”, день почитания св. Татианы Римской (12 января ст. ст.) – традиционно отмечаемый как праздник студентов Московского университета.

46 См. прим. 46 к предыдущей статье в настоящем номере.

47 Ср.:

“Греком” называли небольшой, восьмигранный, деревянный павильон на Тверском бульваре. Здесь размещалось кафе, хозяин которого по национальности был грек.

Кафе находилось против здания, где теперь помещается драматический театр имени Пушкина. [...] Кафе внутри восьмигранника работало только в дождливую осеннюю, зимнюю и ранне-весеннюю пору. С наступлением же теплых дней кафе переезжало на бульвар. От аллеи оно огораживалось невысоким барьером с полотняной крышей. [...]

За столиками кафе ели мороженое, тянули через соломинки всевозможные прохладительные, с солидной примесью коньяка, напитки и приготовленный “по-турецки” ароматный черный кофе.

Но особой приманкой были не хорошо сваренный кофе, не по особым рецептам приготовленные кушанья, а установившаяся за кафе слава места встреч художественной и артистической молодежи Москвы.

Известность “Грек” приобрел в начале Века. Первыми завсегдаемыми кафе была “скорпионовская” молодежь во главе с С. А. Поляковым, Юргисом Балтрушайтисом, Львом Эллисом,

В. Я. Брюсовым, А. Белым и примыкавшие к ним еще более молодые писатели и художники-символисты.

(В. М. Лобанов, *Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы*, Москва, 1968, сс. 80-81)

48 В путеводителях по Парижу начала XX века кафе с названием “Паскаль” не обнаружено. Вероятно, речь идет о кафе “Le Petit Pascal” (33, rue Pascal), существующем и поныне. В телефонной беседе нынешняя владелица подтвердила, что кафе работает на этом месте и под этим именем как минимум с Первой Мировой войны.

49 Е. В. Муратова.

50 Впервые: И. Андреева, *Неуловимое создание*, Москва, 2000, с. 171.